АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А. ТВЕРИТИНОВА

ВОССТАНИЕ КАРА ЯЗЫДЖИ-ДЕЛИ ХАСАНА В ТУРЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. С. ТВЕРИТИНОВА

ВОССТАНИЕ КАРА ЯЗЫДЖИ—ДЕЛИ ХАСАНА В ТУРЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1946 ЛЕНИНГРАД

збережено для історії - balik2

Ответственный редактор акад. В. В. Струве

ПРЕДИСЛОВИЕ

Конец XVI в. как в турецкой, так и в европейской исторической литературе считается периодом, когда в жизни Османской империи все резче и резче выступают на передний план симптомы нарушения того порядка государственного устройства, который возводил ее до той поры в разряд наиболее могущественных и обширных государств.

Кульминационной точки развития всех своих сил, внутренних и внешних, Османская империя достигла, как известно, в царствование султана Сулеймана Кануни (1520—1566). Однако, по свидетельству турецких же источников того времени,[1] элементы последовавшего затем разложения всех устоев государства получили свое начало именно в этот период и развились уже позже, при наследниках Сулеймана.

Несмотря на имеющиеся в турецкой и европейской исторической литературе попытки найти причины, которые привели Османское государство к упадку его могущества,[2] мы должны признать, что до сего времени этот вопрос в основе своей остается неразрешенным. Все указания на то, что экономический и политический упадок Турции является результатом развития взяточничества и подкупа, своеволия

---

[1] رسالهٔ قوچی بك، استانبول، ۱۲۷۷، ۲۵—۲۶, а также в переводе: В. Д. Смирнов. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1883 (гл. XVI, стр. 174 и сл., а также стр. 102—103, прим. 2).

[2] См., напр.: P. Tischendorf. Über das System der Lehen in den moslemischen Staaten, besonders im Osmanischen Staate. Leipzig, 1871, S. 43 u. ff. — В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 24 и сл.

государственных чиновников и ослабления авторитета султанской власти, разрушения военной организации и нарушения древних законов, установленных основателями государства, не дают исчерпывающего и ясного ответа на поставленный вопрос.

Все эти явления, безусловно сопровождавшие ослабление Османской империи, являются не причиной, а следствием более глубокого кризиса самой экономической основы турецкого феодального государства — ленной системы землевладения. Нам кажется, что при изучении данной проблемы основное внимание должно быть обращено именно на исследование процесса разложения военно-феодальной структуры государства и в первую очередь ленной системы землевладения, которая определяла всю сущность Османской империи и весь уклад ее внутренней и внешней жизни. Однако окончательное разрешение этого вопроса должно явиться результатом обобщения итогов тщательного и кропотливого исследования всего богатства турецких исторических материалов XVI и XVII вв., которые в настоящее время у нас еще совершенно не изучены.

Известно, что конец XVI и начало XVII в. в истории Турции сопровождались огромной волной восстаний так называемых „джеляли".[1] Наиболее крупными из них являются восстания Кара Языджи—Дели Хасана (1599—1603), Календера Оглу (1606) и Джанполада Оглу (1607). Несомненно, что эти восстания также были внешним выражением переживаемого

---

[1] Джеляли (جلالی) — первоначально участники восстания, происходившего под руководством Джеляля в окрестностях Токата в 1519 г. Впоследствии слово „джеляли" стало синонимом слов „мятежник", „бунтовщик", „разбойник" и в этом смысле оно встречается уже у всех турецких историков. Между прочим „джеляли"—это не только народные, городские и крестьянские восстания; восстания отдельных феодалов, султанских наместников и янычаров назывались точно так же. См. Ahmet Refik. On altıncı asırda Rafizîlik ve Bektaşîlık (1558—1591). İstanbul, 1932, стр. 8—9. شمس الدين سامی قاموس الاعلام، استانبول 1891، ج ۲، ص ۱۸۲۸—۱۸۲۷. J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1823, Bd. II, S. 530.— فزلکهٔ کاتب چلبی، استانبول، ۱۲۸٦، ج ۱، ص ۱۲۷، ۱۴۸ و ساڻره. — Tarih. İstanbul, 1933, III, 115.

Османской империей глубокого кризиса общественно-экономических отношений. Изучение причин, характера и социальной сущности этих восстаний в значительной мере обеспечило бы и исследование основного вопроса для истории Турции XVI—XVII вв., вопроса о причинах упадка ее. И все же до сего времени ни одно из упомянутых восстаний не явилось предметом серьезного изучения ни в турецкой, ни в европейской исторической литературе.

Избрав темой настоящей работы восстание Кара Языджи—Дели Хасана, первого в непрерывной цепи восстаний начала XVII в., мы надеялись на фоне истории этого события дать некоторое представление о сущности тех социально-экономических противоречий, которые вызвали восстание и которые характеризовали внутреннее положение Османского государства в эту эпоху.

Следует предварительно заметить, что поскольку эта тема впервые становится предметом специального интереса, то изучение ее сопряжено с целым рядом трудностей, преодоление которых, возможно, и не будет иметь на первых порах полного успеха. Эти трудности заключаются прежде всего в том, что тот круг источников, которым мы имели возможность пользоваться, не всегда дает исчерпывающие сведения по всем интересующим нас вопросам. Тенденциозность же некоторых авторов требует чрезвычайной осмотрительности в оценке как излагаемых ими сведений, так и самих событий.

Отсутствие авторитетных обобщающих работ по общей истории Турции XVI—XVII вв. постоянно заставляет наталкиваться на совершенно неизученные стороны социально-экономической жизни Османского государства, которые в данной работе нужны только для иллюстрации того или иного положения. В результате оказалось чрезвычайно сложным делом дать краткий и вместе с тем более или менее полный очерк исторического фона восстания. Исследователю постоянно угрожает здесь опасность или сказать слишком мало или отвлечься в сторону и сделать вводную часть доминирующей над основной темой.

Однако, несмотря на все эти трудности, мы берем на себя смелость положить начало изучению восстания Кара Языджи на основании тех данных, которые нам удалось собрать, и надеемся, что последующие работы в этой области восполнят допущенные здесь пробелы.

Глава I

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Восстание Кара Языджи, как и множество других восстаний, имевших место в Турции на рубеже XVI и XVII вв., очень слабо отражено в западноевропейской исторической литературе о Турции. Общие сведения о нем проникли в работы западноевропейских историков главным образом благодаря известному немецкому ориенталисту Жозефу Гаммеру,[1] на труды которого почти все авторы в данном случае и ссылаются.[2]

В своей „Истории Османского государства", описывая общий ход исторических событий в Турции, Гаммер весьма кратко (на 6—7 страницах), останавливается и на восстании Кара Языджи.[3] Однако, так как он и не задавался целью специально изучить это восстание, то ограничивается только поверхностным изложением фактических данных, не вдаваясь в глубокий анализ причин и следствий этого мощного движения. Характеристика восстания в целом исчерпывается только таким указанием, что оно было „более сильным и опасным" („die weit mächtigere und gefährlichere"), чем восстание сипахиев; что это была „многоголовая гидра"(„vielköpfigen Hydra"), с которой османскому правительству нелегко было

---

[1] J. Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1827—1835, Bd. I—X. Имеется французский перевод: J.-J. Heller. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris (1835—1841, I—XVI I), а также турецкий перевод: .

محمد عطا، دولت عثمانیه تاریخی، استانبول، ۱۳۳۰—۱۳۳۸، ج ۱۰—۱

[2] См. основные работы: J. W. Zinkeisen. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa. Gotha, 1840—1864, Bd. I—VIII; о Кара Языджи: т. III, стр. 662—664. — N. Jorga. Geschichte des Osmanischen Reiches. Gotha (1908—1913, Bd. I—V); о Кара Языджи: т. III, стр. 424—427. Однако здесь привлечены более широко и западноевропейские источники. Jonquière. Histoire de l'Empire Ottoman. Paris, 1914, t. I—II; о Кара Языджи: т. I, стр. 221—225. — A. Lamartine. Histoire de la Turquie. Paris (I—VIII); о Кара Языджи: т. V, стр. 241—245. — Th. Lavallée. Histoire de la Turquie. Bruxelles, 1856, t. I—II; о Кара Языджи: т. II, стр. 36; и др.

[3] J. Hammer, op. cit., Bd. IV, S. 304—306, 320—321, 336—337.

справиться.[1] Признаком того, что Гаммера мало интересовало восстание Кара Языджи и потому он был недостаточно внимателен к этому событию, может послужить такой, сам по себе, незначительный факт, что имя брата Кара Языджи у него искажено: вместо Дели Хасана Гаммер именует его Дели Хюсеином. Занявшись проверкой причины этого искажения имени одного из руководителей восстания, мы обнаружили, что в обоих изданиях „Тарих-и Наима" (о нем ниже), которым главным образом и пользовался Гаммер при описании восстания Кара Языджи, в одном месте допущена опечатка: вместо حسن дано حسين.[2] На следующих страницах эта опечатка уже не повторяется. Во всех же других источниках брат Кара Языджи именуется не Дели Хюсеин, а Дели Хасан. Этот пример заставляет нас думать, что Гаммер не всегда внимательно читал источники и не прилагал особых усилий для проверки одного источника другим. А между тем вслед за Гаммером и другие западноевропейские историки допускают эту же ошибку и называют Дели Хасана Дели Хюсеином.[3]

Специальная статья относительно Кара Языджи, составленная Крамерсом, помещена в „Энциклопедии Ислама".[4] Здесь автор, изложив фактический материал, замечает, сославшись на мнение Бабингера (о нем ниже), что подлинные причины восстания Кара Языджи еще недостаточно изучены, однако их нужно усматривать, с одной стороны, в религиозных фило-шиитских мотивах, о чем, — по его мнению, — можно полагать уже из одного только имени (?!) участника восстания Шахверди, а с другой стороны, в ослаблении контроля со стороны султанского правительства над анатолийскими провинциями, так как внимание и военные силы султана были отвлечены в это время австрийской кампанией. Весьма слабая обоснованность причин восстания религиозными мотивами, которые Крамерс выводит из имени Шахверди,[5] даже для неискушенного читателя является совершенно очевидной. А если обратиться к материалам, то, как это мы увидим далее, религиозные мотивы, как раз в восстании Кара Языджи,

[1] Ibidem, Bd. IV, S. 304.

[2] تاريخ نعيما، استانبول، ۱۱۴۷، ج ۱، ص ۱۲۸؛ ۱۲۸۰، ج ۱، ص ۳۱۳۷.

[3] J. W. Zinkeisen, op. cit., Bd. III, S. 663. — Jorga, op. cit., Bd. III, S. 425—426.

[4] I. H. Kramers. Kara Iazidji. Enzyklop. d. Islam, 1925, t. 30, S. 857.

[5] Шахверди, в арабском начертании: شاه ويردى, дословно значит „Шах дал", чему трудно придать религиозный смысл. Кроме того, сам Шахверди являлся не руководящей, а эпизодической личностью в восстании и, следовательно, большого влияния на характер восстания иметь не мог.

может быть, в первом из всей массы народных восстаний XVI в., менее всего представлены.

Что касается замечаний Бабингера, на которые ссылается Крамерс, то они относятся к восстаниям, происходившим в XV в. В тех восстаниях, действительно, внешняя оболочка носила довольно ясно выраженный религиозный характер, хотя по существу они также большей частью были направлены против феодальной эксплоатации, против налогов и т. п.[1]

Нам известно, что и в западноевропейской истории довольно часто классовая борьба носила религиозный отпечаток, но это нисколько не меняло характера ее, как классовой борьбы.[2] Поэтому мы с самого начала должны настороженно отнестись к попыткам некоторых западноевропейских ученых облечь восстание Кара Языджи в форму религиозного восстания и тем самым отодвинуть на задний план его классовую сущность.

Отдельных работ о восстании Кара Языджи—Дели Хасана в русской исторической литературе по Турции также не имеется. Однако краткое и весьма поверхностное описание общего хода этого события мы находим у известного русского турколога В. Д. Смирнова в его труде о Крымском ханстве.[3] Описание на нескольких страницах, составленное на основании одного только источника („Тарих-и Печеви", — о нем ниже), не преследовало цели специально изучить восстание, и потому мы не найдем здесь ни анализа причин возникновения его, ни характеристики подлинного существа дела. Интересен только один факт, который подмечает В. Д. Смирнов — это то, что к восстанию Кара Языджи присоединились родственники (брат и два племянника) крымского Гази-Гирей-хана, которые бежали в Анатолию, спасаясь от угрожавшей им расправы со стороны Гази-Гирея. Однако участие крымских ханов не имело никакого особого влияния на характер вос-

---

[1] Ср., напр., восстание Шейха Бедреддина Симавнийского, имевшее место в начале XV в. в Румелии. О нем см.: F. Babinger. Scheich Bedr ed-din, der Sohn des Richters von Simav. Der Islam, 1921, Bd. II, S. I—106. — محمد شرف الدين، سماونه قاضيسى اوغلى شيخ بدر الدين، استانبول، ۱۳۴۰

A. Refík. On altıncı asırda Rafizîlik ve Bektaşîlik. İstanbul, 1932. В этой работе, на ряду с восстаниями шейха Бедреддина, описываются и другие восстания, происходившие в XVI в. (1558—1591) под религиозной оболочкой, а также изданы документы касательно названных восстаний.

[2] См.: Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 128—129.

[3] В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887, стр. 452—470. На наличие в данной работе упоминания о восстании Кара Языджи любезно указал нам проф. В. А. Гордлевский.

стания Кара Языджи, и потому в данном случае для нас нет нужды заниматься этим фактом специально.

Краткое упоминание о Кара Языджи имеется также в работе Александра Адамова,[1] который пишет о нем, если можно так выразиться, „по наслышке", с единственной ссылкой на работу Йорги, где почти совершенно не использованы турецкие источники. Адамов безапелляционно заявляет, что Кара Языджи — это египетский бейлербей, а Дели Хасан (у него Дели Хюсейн) — багдадский вали. Отсюда все восстание носит характер восстания „турецких ленников из туркмен и курдов, которые восстали, будучи лишены правительством своих ленов за самовольное возвращение из венгерской кампании в 1598 году..."[2]

Для чего они собственно восстали, как отнеслось население к этому восстанию и чем оно закончилось — это Адамова не интересовало, и он, сообщив сомнительной достоверности факты о возникновении его, переходит к повествованию о других событиях.

Что касается современной турецкой исторической литературы, то и здесь специальных исследований по восстанию Кара Языджи не имеется, хотя сам он довольно широко известен и часто упоминается в общих трудах по истории Турции как один из „страшных разбойников", причинивший своим „мятежом" немало забот стамбульскому двору.

Недавно умерший известный турецкий историк Ахмед Рефик в небольшой работе „Мятежники в эпоху османов"[3] первое место отводит Кара Языджи и, примерно, на семи-восьми страничках дает описание событий, черпая сведения главным образом из хроники Наимы. Так как автор, по всей видимости, и не задавался целью углубленно исследовать это восстание, а желал только популяризировать материалы из древних турецких источников (чем довольно много занимался и по другим вопросам), то названная работа не может считаться сколько-нибудь новым этапом в изучении данного вопроса и не имеет серьезного значения для нашей темы.

Вторая работа, которую следует здесь упомянуть, принадлежит перу (как это указано на титульном листе книги) переводчика с арабского языка вакуфных записей вакуфного управления в Стамбуле, некоему Амасьялы Абди-заде Хюсейну Хюсамеддину и называется „История Амасьи".[4] В III томе этого

---

[1] Александр Адамов. Ирак Арабский. СПб., 1912.

[2] Там же, стр. 332.

[3] Ahmet Refik. Osmanlı devrinde zorbalar. İstanbul, 1932.

[4] امامیه لی عبری زاده حسین حسام الدین. آماسیه تاریخی. استانبول، ج۳، 1928—1330

сочинения имеется раздел, где описываются восстания, происходившие в окрестностях Амасьи и, в частности, восстание Кара Языджи, бывшего в течение непродолжительного времени беем этого города. Автор „Истории Амасьи", получивший солидное историческое образование, был очень хорошо знаком с материалами не только стамбульских архивов, но и архивов провинциальных. В приведенном списке использованных им источников,[1] на ряду с историческими трудами современников событий, значится большое количество официальных документов, султанских указов, реестров, грамот и т. п., что заставляет нас отнестись с большим доверием к сообщаемым в этой работе фактам. Сообщая о том, как он собирал материал для этой работы, Хюсамэддин пишет:

„Приехав в 1307 (1889—1890) году в Стамбул для пополнения знаний и завершения образования и устроившись слушать уроки у Токади-заде Эль-хадж Ахмеда Нур-эддина эфенди в медресе Календерхане, я по свободным дням читал имеющиеся в библиотеках султана Фатиха, султана Баезида, султана Сулеймана, Шахзаде, Ая Софии, Көпрюлю, Рагыб паши, Нур Османийе, Мунла Мюрада, Ашира Эфенди, Хамидийе и Эсáда Эфенди исторические книги, исторические сборники, трактаты и документы. Отправившись в 1312 (1894) г. в Критский, а в 1313 (1895) г. в Сирийский вилайеты я продолжал свои изыскания в библиотеках «Кадрийе» в Кании и «Захирийе» в Дамаске. Объехав Хиджаз (Геджаз), я вернулся в Стамбул, а затем в Амасью и продолжал собирать сведения, обращаясь ко многим лицам и знакомясь с находящимися у них старыми книгами, реестрами, бератами (жалованная грамота. — *А. Т.*), копиями вакуфных грамот, свидетельствами, официальными бумагами и записками; я ознакомился с регистрами амасийского суда и дважды производил исследование (их) вплоть до мельчайших подробностей; в различные годы я с целью сбора материала посетил города: Көпрю, Ладик, Мюджид Озю, Чорум, Мерзифон, Хаджикёй, Брусу, Салоники".[2]

---

[1] Хюсамэддин, ук. соч., т. I, стр. 330—340.

[2] توسيع معلمات اكمال تحصيل ايچون ۱۳۰۷ ده استانبوله كيدوب قلندر خانه مدرسه‌سنده اقامت و توقادی (الحاج نور الدين افندی) حضرتلرينك درسنه ملازمت و ايام تعطيليه ده سلطان فاتح، سلطان بايزيد، سلطان سليمان، شهزاده، آياصوفيه، كوپريلی، راغب پاشا، نور عثمانيه، منلا مراد، عاشر افندی، حميديه، اسعد افندی كتبخانه‌لرنده موجود اولان كتب تواريخی و تاريخه دائر مجاميع و رسايل و منشئاتی مطالعه و ۱۳۱۲ ده كريد و ۱۳۱۳ ده سوريه ولايتلرينه عزيمتله حانيه‌ده قادريه و شام

Однако мы должны отметить, что этот труд, представляющий для нас значительную ценность в части интересных и новых фактических данных, должен быть подвергнут серьезной критике, так как концепция автора в вопросе о причинах восстания Кара Языджи является тенденциозной, а потому — явно ошибочной. Видимо, под влиянием только что закончившейся буржуазно-национальной революции 1919—1923 гг. Хюсамэддин представлял и всю историю Турции, как непрерывную борьбу „чистых турок" с нетурецкими элементами. С этой точки зрения и восстание Кара Языджи является, по его мнению, возмущением турецкого населения против засилия господства нетурок (غیر تورکلر), против чинимых ими насилий и несправедливости.[1]

„Начиная с везирства европейца (فرنك) Ибрагима паши до сего времени, все занимавшие посты великого везира и везиров являлись нетурками. И все небылицы и басни, направленные против турецкой нации, исходили от нетурок и получили хождение только благодаря старанию лицемеров. Турки восстали в Анатолии против этой деспотической власти нетурок, и знамя восстания развертывалось повсеместно... Достоин внимания тот факт, что среди нетурок, получивших посты мирлива и бейлербеев в санджаках и вилайетах в Анатолии, были совершенно невежественные люди, не знавшие турецкого языка и незнакомые с догматами мусульманской религии".[2]

شریفده ظاهریه کتبخانه‌لرنده تحریاته دوام و بعد حجازی دلاشوب استانبوله و متعاقباً اماسیه‌یه ایدیکم زمان پك چوق ذواته مرجعتله حانه‌لرنده اسکی کتابلری، دفترلری، براتلری، وقفیه صورتلری اجازتنامه‌لری، اوراق و رسائلی تحری... و اماسیه محکمه‌سی سجلاتنی تحری و ایکی دفعه ال قدر کاغدلرو قدر تدقیق و سنین محتکفده کوپری، لادیك، مجید اوزی، چورم، مرزیفون، حاجیکوی، بورسه، سلانیك شهرلرینی زیارتله جمع معلوماته اقدم ایتدم. Там же, т. I, стр. 337—338).

[1] Третий том „Истории Амасьи", в котором изложена эта точка зрения, вышел в 1927 г.

[2] فرنك ابراهیم پاشانك صدارتندن بو زمانه قدر صدارتی و وزارتی احراز ایدنلر غیر تورکلردی. تورکلك علهنده سویله‌نیلن هذیانلرك اویدورولن افسانه‌لرك هپسی ده غیر تورکلردن صدور ایتمش ریاکارلرك غیرتیله رواج بولمشدی. آناطولوده تورکلر غیر تورکلرك بو تحکملرینه قارشی قیام ایدییورلر طرف طرف اختلال بایراغنی اچیورلردی (Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 341).

Таким образом, Хюсамəддин, изображая турок как единую бесклассовую нацию, противопоставляет ее султанским сановникам-нетуркам, которые, по его мнению, только потому притесняли турецкий народ, что не принадлежали к турецкой нации. Тем самым автор подменяет классовые противоречия национальными и стирает всю остроту социальной истории Османского государства. Эта точка зрения, конечно, является неприемлемой, и мы увидим далее, что она очень легко опровергается фактическими данными из самих турецких первоисточников.

Сведения о восстании Кара Языджи в других трудах турецких авторов, носящих характер общих историй или учебников, или очень случайны или очень поверхностны и в плане нашей работы не представляют никакого интереса.[1]

Основным источником для изучения истории восстания Кара Языджи являются турецкие хроники и другие исторические произведения, написанные авторами — современниками событий конца XVI и начала XVII в.

Прежде чем перейти к характеристике каждого источника отдельно, необходимо предпослать одно общее замечание.

Все летописцы и историки Османского государства, как правило, жили в Стамбуле, состоя на службе или непосредственно при султанском дворе или в каком-либо ином государственном учреждении. Принадлежа к категории улемов (ученых-богословов) или чиновников, они тем самым входили в сословие людей, в той или иной мере привилегированных, а потому, естественно, их точка зрения на происходившие события почти всегда отражала взгляды господствующего класса. Поэтому понятно, что пользоваться материалами хроник и других исторических произведений той эпохи по таким вопросам, как народное восстание, приходится с особой осторожностью, постоянно помня, что имеешь дело с субъективными высказываниями авторов.

Правда, появившиеся в конце XVI в. симптомы упадка могущества Османской империи нашли свое отражение в трудах современников, пытавшихся найти причины всех „бедствий государства". Современники находили эти причины в измене-

[1] Ср., напр.: احمد رشيد. مكمل تاريخ عثمانى. درسعادت. ١٣٢٨. ج ١ ص ٣٧٩.
احمد راسم. رسملى و خريطه‌لى عثمانلى تاريخى. استانبول. ١٣٣٠. ج ١ ص ٤٩٣—٤٩٦.
حامد احمد و مصطفى محسن. توركيه تاريخى. استانبول. ١٩٢٤. ص ١٤٢.
محمد مراد. تاريخ ابو الفاروق. استانبول. ١٣٠٥. ص ١٦٨.
Tarih. İstanbul, 1933, стр. 115—116. — Ismail Hakkı Uzunçarşılıoglu. Kütahya şehri. İstanbul, 1931, стр. 15, 151. — Abdullah Zeki. Essai sur les causes de la Decadence de l'Empire Ottoman. Paris, 1929, p. 58—59.

нии прежних законов Османского государства, в развитии взяточничества и подкупа в среде государственных чиновников и т. п. С этой точки зрения историки позволяли себе некоторую критику существующих порядков, но, конечно, с консервативных позиций, часто высказывая сожаление о минувшем добром старом времени. Однако и подобного рода критика иногда очень помогает найти правильную оценку тому или иному событию.

Наиболее ценным и интересным источником сведений для второй половины XVI в. является, конечно, хроника Селяники, охватывающая историю Турции с 1564 по 1599 г.

Мустафа Селяники,[1] даты рождения и смерти которого точно неизвестны [судя по хронике, он родился в первые годы царствования султана Сулеймана Кануни (1520—1566) и умер не ранее 1599 г.], занимал при стамбульском дворе ряд должностей: секретаря силяхдаров (султанских оруженосцев — 1586 г.), секретаря сипахиев (наемная кавалерия), ведал книгой государственных приходов и расходов (рузнаме — 1590 г.), был мухасибом (начальником счетной канцелярии) Анатолии и т. п. Через руки Селяники проходило большое количество всевозможных реестров и записей, а также донесений из анатолийских провинций.

Знакомство с подобным материалом дало возможность Селяники наполнить свою хронику исключительно ценными сведениями об экономическом состоянии страны. К сожалению, повествование Селяники обрывается на том годе, в котором началось восстание Кара Языджи, и потому отражает только возникновение и первые этапы движения. Но как для характеристики этого этапа, так и для характеристики положения анатолийского населения накануне восстания, т. е. для выяснения предпосылок его, Селяники дает столь разносторонний и интересный материал, что его история бесспорно может считаться одним из основных источников для нашей темы, каковым она является и для изучения всей истории второй половины XVI в.

Многие порядки, господствовавшие в системе управления Османской империи в этот период, вызывали недовольство у Селяники, и он часто подробно останавливается на причинах тех или иных явлений, вызывающих расстройство внутренней жизни страны. Конечно, не все его объяснения могут быть нами безоговорочно приняты, однако критическое отношение к окружающему способствовало тому, что у Селяники

---

[1] См. о нем: F. Babinger. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und ihre Werke. Leipzig, 1927, S. 136—137. — A. Refik. Selaniki. İstanbul, 1933.

проявляется в описании событий больше объективности, чем в других источниках.

В 1863 г. в Стамбуле летопись Селяники была издана отдельной книгой, но непонятно, по каким причинам в издание вошла только часть ее, доведенная до 1592 г., и, таким образом, последние и наиболее ценные для нас годы отсутствуют. В силу этого в настоящей работе мы пользовались рукописным экземпляром хроники, хранящимся в Институте Востоковедения Академии Наук СССР,[1] который представляет собой полный список, поскольку можно об этом судить при сравнении его с описанием других экземпляров рукописей в каталогах Флюгеля[2] и Торнберга.[3]

Вторым важным источником для нашей темы послужила „История Печеви“,[4] охватывающая период с 1520 по 1639 г. Автор ее Ибрагим Печеви[5] (1574 — около 1650) является также современником и очевидцем большей части описываемых им событий. В 1593 г. он поступает на военную службу и принимает участие в походе против Венгрии. Затем занимает ряд административных должностей в Анатолии. В частности, во время осады войском Кара Языджи крепости Токат Печеви, будучи дефтердаром (начальником казначейства) города, находился внутри крепости и наблюдал лично за исходом боя, о чем пишет на страницах своей книги.[6]

Весь ход восстания Кара Языджи описан у Печеви довольно кратко (5—6 страниц), без особых подробностей, которых мы могли бы ожидать от автора, жившего на территории, охваченной восстанием. Однако краткость изложения не помешала Печеви сообщить ряд фактов, ценных для данной работы, отсутствующих в других источниках.

Близко ко времени интересующих нас событий жил и автор еще одного исторического произведения, называемого „Сад проповедников“,[7] которое явилось источником для многих последующих историков Турции. Карачелебизаде Абдулазиз,[8] написавший этот труд, родился в 1591 г. и умер в 1658 г. Он принадлежал к числу высокообразованных людей своего

---

[1] تاريخ سلانيكى (Рукопись № С. 565). Этой рукописью пользовался В. Д. Смирнов, и в указанной работе о Кучибее (на стр. 7) он дает краткое описание ее.

[2] Gustav Flugel. Die Arabischen, Persischen und Türkischen Handschriften... Hofbibliothek zu Wien, Wien, 1865 S. 246.

[3] G. I. Tornberg. Codices Arabici, Persici at Turcici Bibliothecae regiae Universitatis Upsaliensis. Upsala, 1849, p. 196.

[4] ۱—۲ ج ۱۲۸۱ ۱۲۸۳ استانبول. تاريخ پچوى

[5] О нем см.: F. Babinger, op. cit., S. 192—193.

[6] تاريخ پچوى ج ۲ ص ۲۵۶

[7] ۱۲۸۸. بولاق. قره چلبى زاده عبد العزيز، روضة الابرار

[8] О нем см.: F. Babinger, op. cit., S. 204—205.

времени, к категории улемов; был мюдеррисом (преподавателем в школе при мечети), кадием (судьей) Брусы, Адрианополя, Стамбула и других городов, кадиаскером (военным судьей) Румелии и даже незначительное время занимал пост шейхульислама (главы мусульманского духовенства) при султане Мехмеде IV (1648—1687). Хорошо зная историю предшествующего периода, он также был весьма осведомлен и в делах государства, происходивших при его жизни.

Первая часть труда Карачелебизаде (до стр. 338), начинаясь „от Адама", содержит историю Ислама и мусульманских халифов. Вторая часть (от стр. 338 и до конца) посвящена истории Турции от возникновения династии Османов до 1646 г. В предисловии (стр. 3) Карачелебизаде указывает, что он заимствовал сведения (очевидно, для первой части своего труда) из произведения, называемого „Зеркало вселенной".[1] В отношении же источников его труда для последующего периода нам ничего установить не удалось. В частности, о периоде, нас интересующем, Карачелебизаде мог писать уже, примерно, в 1615—1620 гг., т. е. несколько лет спустя после завершения восстания Кара Языджи. Весьма вероятно, что он писал на основании устных рассказов очевидцев (ему во время восстания было лет 10—11). Во всяком случае характер повествования об этом событии показывает, что Карачелебизаде очень хорошо был знаком с общим ходом восстания,[2] однако, как прочие турецкие историки, он не останавливался на мелких деталях, которые для нас имели бы гораздо большее значение, чем большой, но поверхностный рассказ.

Далее мы считаем необходимым остановиться на одном произведении, которое до сего времени приводилось европейскими авторами главным образом как биографический источник об улемах и шейхах периода Селима II — Мурада IV.[3]

[1] У Babinger'a (стр. 71 и 150) мы находим два сочинения под названием مرآت الكائنات, написанных на ту же тему, что и первая часть روضة الابرار. Одно из них составлено неким Газалы Мехмед Дели Бирадером (غزالى محمد دلى برادر), который жил в первой половине XVI в. (умер в 1535 г.), и в части истории Турции оно доведено до царствования Сулеймана (1520—1566); автор второго — Нишанджизаде Мехмед (نشانجى زاده محمد 1560—1621) — доводит историю Турции до 1566 г. Сличение текстов Нишанджи и Карачелебизаде не обнаружило в них сходства. Если иметь в виду, что Нишанджи был почти современником Карачелебизаде, вполне можно допустить, что его труд последнему был еще неизвестен. Тогда остается одно: основой для Карачелебизаде послужило сочинение Газалы Мехмеда. Это сочинение издано не было, и потому мы не имели возможности ознакомиться с ним.

[2] Карачелебизаде, ук. соч., стр. 489.

[3] См., напр.: J. Hammer, op. cit., Bd. IX, S. 240, № 124. — F. Babinger, op. cit., S. 171.

Автором этого произведения является сын поэта Нев'и (1533—1599) — Атаулла Атайи (1583—1634),[1] который был судьей в ряде городов Румелии. Атайи написал свой труд как добавление к такого же рода сочинению Ташкёпрюзаде[2] (1495—1561) и дает в нем, на ряду с биографическими сведениями, краткие описания событий, случившихся в период царствования султанов Селима II—Мурада IV. Мы не можем пройти мимо этих описаний, тем более, что они принадлежат перу современника изучаемых нами событий.

Правда, о восстании Кара Языджи сведения у Атайи очень кратки и по сравнению с Печеви или Карачелебизаде дают очень мало нового, но здесь оказалось существенным то, что в лице Атайи нам удалось установить один из источников для крупнейшего историка Турции конца XVI и первой половины XVII в. — Кятиба Челеби.

Мустафа Абдулла Кятиб Челеби, или, как его чаще называют, Хаджи Халифе (Хальфа, Кальфа) (1609—1657),[3] был чрезвычайно высоко и универсально образованным человеком для своего времени. Оставленные им труды, касающиеся самых различных областей знания (истории, географии, космографии, теологии, библиографии и т. п.), имеют огромное значение как для изучения собственно истории Османского государства, так и для изучения развития научной мысли в Турции в начале XVII в.

Наиболее широко известное его историческое произведение, носящее название „Фезлеке" (резюме, вывод), охватывает период истории Турции с 1592 по 1654 г.[4] Та часть этого труда, которая относится к периоду времени, когда Кятиб Челеби был сам очевидцем событий, является неоценимым источником для каждого исследователя Турции, так как автор отличается большой обстоятельностью и точностью в изложении событий. Что же касается первой части „Фезлеке" (с 1592 г. и примерно до 1630 г.), где Кятиб Челеби пишет о периоде, несколько предшествовавшем его сознательной жизни, то в тексте имеются ссылки на Печеви, Карачелебизаде, Хасанбейзаде[5] и других историков. Кроме того,

[1] عطا الله عطايى. حدائق الحقائق في تكميلة الشقائق استانبول ١٢٦٨.

[2] طاشكوپرى زاده احمد. شقائق النعمانيه. استانبول ١٢٦٩ ص ٥٢٢٩

[3] О нем см.: A. Refik. Kâtib Çelebi. İstanbul, 1932. — J. Hammer, op. cit., Bd. VI, S. 46. — F. Babinger, op. cit., S. 195. — В. Д. Смирнов. Кучибей..., стр. 13.

[4] فذلكة كاتب چلبى مصطفى عبد الله خاجى خليفه. استانبول ١٢٨٦. ج ٢—١

[5] تاريخ آل عثمان حسن بك زاده (История династии Османа). Содержит историю Турции до 1622 г. Не издана. — F. Babinger, op. cit., S. 174.

им могли быть использованы и устные рассказы очевидцев. В частности, о восстании Кара Языджи, как это нами было обнаружено, он заимствовал сведения из истории упомянутого выше Атайи. Однако Кятиб Челеби не просто переписывает Атайи, как поступают в таких случаях почти все турецкие историки, а постоянно дополняет его рассказ сведениями из других источников. В результате повествование Кятиба Челеби является после Селяники наиболее полным и детальным по сравнению с другими трудами историков того времени. Авторитет Кятиба Челеби является неоспоримым для всех историков Турции, а его труды — одним из лучших источников для изучения истории Турции конца XVI и первой половины XVII в., и мы считаем совершенно законным включить его историю в число бесспорных источников для работы над изучением восстания Кара Языджи.

Несколько иначе с этой точки зрения выглядит известная историкам Турции хроника Мустафы Наимы (умер в 1716 г.),[1] официального государственного летописца Османской империи, зарегистрировавшего события с 1592[2] по 1659 г. Как Гаммер,[3] так и Бабингер[4] указывают, что при составлении своей хроники Наима постоянно цитирует произведения Карачелебизаде, Печеви, Хасанбейзаде, Кятиба Челеби и др. Однако при более детальном знакомстве с историей Наимы становится ясным, что он целиком переписал все „Фезлеке“ Кятиба Челеби, внеся в нее небольшие, главным образом стилистические, изменения и только кое-где дополнив новыми фактами из других источников. Это в свое время было замечено и В. Д. Смирновым.[5] Учитывая все это, трудно отнести историю Наимы к числу первоисточников для всего описываемого им периода. Им можно и нужно пользоваться, но только для проверки текста „Фезлеке“ Кятиба Челеби и лишь в тех случаях, где он дополняет „Фезлеке“, как первоисточником. Тем более непонятно, почему Гаммер[6] и Ахмед Рефик[7] при описании

---

[1] تاريخ نعيما . استانبول . ١١٤٧. ج ٢—١. ١٢٨٠ ج ٦—١

[2] J. Hammer в своей „Истории“ (т. IV, стр. V) пишет, что „Фезлеке“ Кятиба Челяби и „Тарих-и Наима“ начинаются с 1591 г., F. Babinger же (стр. 205, 245) указывает, что „Фезлеке“ начинается с 1592 г., а „Тарих-и Наима“ — с 9 января 1591 г. Здесь непонятная путаница. Оба произведения начинаются с описания одного и того же события — отставки великого везира Ферхада паши, имевшей место в 6-м месяце 1000 г. хиджры, т. е. в марте 1592 г. Это же подтверждает Карачелебизаде (см. его „Историю“, стр. 471).

[3] J. Hammer, op. cit., Bd. VI, S. 329; Bd. VII, S. 50.

[4] F. Babinger, op. cit., S. 245.

[5] В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 13, 135, 219, прим. 3, стр. 228.

[6] J. Hammer, op. cit., Bd. IV, S. 304, 320.

[7] A. Refik. Osmanli devrinde zorbalar, стр. 1—8. — См. его же работу „Naima“ (Istanbul, 1932).

восстания Кара Языджи предпочитали делать выдержки из Наимы, в то время как и „Фезлеке" Кятиба Челеби им было известно.

Наконец, упомянем здесь еще одного турецкого историка XVII в., именно, Солака-заде (умер в 1657),[1] который также упоминает восстание Кара Языджи. Однако он не является очевидцем, и его сведения представляют собой компиляцию из вышеназванных произведений.

На этом собственно и заканчивается список турецких хроник и других исторических произведений, касающихся событий XVI и XVII вв., которыми мы имели возможность пользоваться в нашем исследовании истории восстания Кара Языджи. Этот круг источников, пожалуй, мог быть несколько расширен, если бы обратиться к содержанию турецких исторических архивов, где, возможно, сохранились некоторые указы и распоряжения Кара Языджи, которые он, как это сообщается в летописях, издавал в 1600 г., после объявления себя султаном, а также ферманы османского правительства, назначавшего неоднократно главнокомандующих для подавления восстания.

Благодаря переводу на французский язык, сделанному Brosset, мы имели возможность ознакомиться с хроникой известного армянского историка Аракела Тавризского, жившего в первой половине XVII в.[2] Аракел Тавризский был монахом и постоянно жил в Эчмиадзине (древний монастырь недалеко от г. Еревана), но для сбора материалов он часто совершал путешествия по Востоку, в частности, в Иерусалим.[3] В составленной им истории своего времени (1601—1662), в которой описываются события, главным образом в Персии и Армении в эпоху династии Сефевидов,[4] имеются страницы, отведенные рассказам о положении в восточных районах Анатолии. Здесь мы находим и сообщение о восстании Кара Языджи, сопровождаемое чрезвычайно интересными для нас подробностями.

В главе VII[5] Аракел Тавризский описывает „злодеяния мятежников" в восточной Анатолии и Армении и делает краткий экскурс в прошлое, где говорит о Кара Языджи, как

---

[1] صولاق زاده محمدمی چلبی. تاریخ آل عثمان. استانبول. ۱۲۹۷ О нем см.: F. Babinger, op. cit., S. 203.

[2] M. Brosset. Collection d'historiens Armeniens. Aracel de Tauriz. XVII-e s. Livre d'histoire, t. I. S.-Pétersbourg, 1874. А также см. в извлечении: M. Brosset. Des historiens Armeniens des XVII et XVIII s. Aracel de Tauriz, Registre chronologique. S.-Pétersbourg, 1873.

[3] M. Brosset, op. cit., t. I, p. XX.

[4] К. П. Патканов. Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПб., 1879, стр. 50.

[5] M. Brosset, op. cit., t. I, p. 307—310.

о первом и главном зачинщике движения „джеляли". В главе V, где дается сводная хронология событий в Армении и в Турции с 561 по 1664 г., для Кара Языджи также отведено особое место. Сообщаются некоторые биографические сведения о нем самом, а также приводятся данные о численности его войска и о количестве расходуемых ежедневно съестных припасов и денег для содержания всей армии повстанцев. Несомненно, все эти указания являются исключительно ценными для нашей работы. Что касается их достоверности, то нам думается, что нет особых оснований не доверять ему, тем более, что сам он находился гораздо ближе к месту событий, чем многие из турецких историков, живших в Стамбуле. Сам же Аракел Тавризский, переходя к повествованию о Кара Языджи, предваряет, что все сообщаемые им сведения получены от непосредственных свидетелей всего происходившего.[1]

В качестве 54-й главы в хронику Аракела вставлена хроника Албании (кавказской) за 1541—1600 гг., составленная Иоанном Цареци,[2] в которой также имеется краткое упоминание о Кара Языджи.

С сожалением приходится констатировать, что и западноевропейские источники о Турции этого периода (мы имеем в виду донесения послов и записки путешественников) у нас также совершенно не изучены. А между тем некоторые из них могли бы быть очень полезны при выяснении многих вопросов, на которые трудно получить ответы в турецких источниках.

Даже при самом неглубоком ознакомлении с некоторыми, доступными нам, европейскими источниками мы убедились в их исключительной ценности для изучения внутренней истории Турции. Так, напр., дипломатическая корреспонденция посла Генриха IV Гонто Бирона де-Салиньяка,[3] бывшего в Турции с 1605 по 1610 г., заключает в себе большое количество донесений с самыми подробными описаниями восстаний Календера Оглу, Джанполада и др. Донесения итальянских послов, помещенные в собрании документов по истории Румынии Хурмузаки,[4] также имеют, правда, отрывочные сведения о восстании Хюсейна паши и Кара Языджи.

Между прочим записки путешественников с этой точки зрения гораздо беднее. Просмотренные нами труды Савари

---

[1] Ibidem, t. I, p. 310.

[2] К. П. Патканов, ук. соч., стр. 50.

[3] Ambassade en Turquie de Jean Gontaut Biron baron de Salignac, 1605 à 1610. Correspondance diplomatique et documents inédits. Publiés et annotés par le comte Theodore de Gontaut Biron. Paris, 1889.

[4] Hurmuzaki. Documente privitóre la Istoria Romanilor. Bucuresci, 1876—1909.

де-Брава,[1] Хейе[2] и Пиетро делла Валле[3] показали, что в них сведений о внутренних исторических событиях Турции очень мало. Как путешественники, они более всего интересовались экзотикой страны, ее государственным устройством, военной организацией, религией, нравами и бытом населения и т. п. Все это, как ни кажется странным, часто описывалось не на основании личных наблюдений, а по официальным государственным статутам, и потому не всегда отражало действительное положение страны в данный момент.

Однако, повторяем, для того чтобы иметь окончательное суждение о всех этих богатейших материалах, необходимо еще долгое и тщательное изучение их.

Усилившийся с XVIII в. у европейцев интерес к Турции повлек за собой и более серьезное ее изучение западными ориенталистами. В свет стали выходить труды, посвященные описанию государственного устройства Османской империи, законодательства ее, военной организации и т. п. В этой части представляют значительную ценность работы Доссона,[4] Гаммера,[5] Белена,[6] Тишендорфа[7] и др., которые были использованы нами при написании главы о социально-экономическом устройстве Османского государства. Но и здесь следует оговориться, что названные авторы (может быть, только за исключением Белена, который привлекал и материалы из исторических трудов и хроник) при составлении своих трудов руководствовались главным образом юридическими основами шариатского учения о государстве, которые, конечно, далеко не всегда соответствовали фактическому положению вещей.

Для главы о состоянии Турции накануне восстания и о предпосылках его была использована нами также работа В. Д.

---

[1] Relation des voyages de Monsieur de Breves, taut en Grece, Terre sainte et Aegypte. Paris, 1628. К книге приложен заключенный между Турцией и Францией в 1604 г. трактат, а также краткое описание Османской империи.

[2] Des Heyes. Voyage de Levant fait par le commendant du Roy en l'année 1621. Paris, 1645.

[3] Petri della Valle. Eines vornehmen römischen patritii Reiss-Beschreibung in unterschiedliche Theile der Welt, nämlich in Türkey, Egipten... Genf., 1674.

[4] M. D'Ohsson. Tableau général de l'Empire Ottoman. Paris (1787—1790, t. I—III).

[5] J. Hammer. Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, Bd. I—II. Wien, 1815.

[6] M. Belin. Du régime des fiefs militaires dans l'islamisme et principalement en Turquie. Journ. Asiatique, 1870, t. XV, sér. 6, p. 187—361. — Idem. Essais sur l'histoire économique de la Turquie. Journ. Asiatique, 1864, t. III, p. 416—489; t. IV, p. 242—390.

[7] P. Tischendorf. Über das System der Lehen in den moslemischen Staaten, besonders im osmanischen Staate. Leipzig, 1871.

Смирнова „Кучибей[1] Гёмюрджинский“ и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции, где дан перевод трактата, составленного приблизительно в 1631 г. одним из приближенных султана Мурада IV (1623—1640), Кучибеем, представляющего значительную ценность в части характеристики экономического положения Турции в конце XVI и начале XVII в.

---

[1] Современные турецкие историки и многие европейские авторы называют его Кочибеем.

Глава II

КРАТКИЙ ОЧЕРК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ОСМАНСКОГО ГОСУДАРСТВА НАКАНУНЕ ВОССТАНИЯ КАРА ЯЗЫДЖИ

В период царствования султана Сулеймана Кануни (1520—1566) господство турецкого султана распространялось на огромную территорию, расположенную на стыке трех материков — Азии, Африки и Европы. Еще до Сулеймана Турцией были покорены Сирия, Египет, Геджаз, значительная часть Балканского полуострова и Крымское ханство. При Сулеймане завоевания продолжались: Белград (1521), Родос (1522), Багдад и Басра (1534), Йемен (1538) и Венгрия (1541) постепенно были присоединены к Османской империи. В 1575 г. (при Селиме II) завоеван Тунис. И, наконец, начав две новые военные кампании — против Персии (1578) и против Австрии (1593), Османская империя угрожала дальнейшим расширением своего влияния на запад и на восток. Однако этому расширению не суждено было осуществиться, ибо, если до половины XVI в. военное превосходство Турции над соседними государствами было неоспоримо, то к концу того же столетия завоевательная сила османской армии стала ослабевать. Впервые эта слабость сказалась в поражении, которое понес турецкий флот в битве с испанцами и венецианцами при Лепанто (1571).

Причины падения военного престижа турок мы должны искать, с одной стороны, в начавшемся процессе капиталистического развития, укреплении и централизации государств Западной Европы XVI в. и, с другой, — в процессе внутреннего кризиса военно-феодального строя Османской империи, являвшегося ранее основой ее могущества.

И все же до конца XVI в. Турция была таким государством, союза и дружбы с которым искали даже самые крупные европейские страны. После открытия Америки и морского пути в Индию значение левантийской торговли, где Турция занимала важное место в транзите товаров, являвшихся предметом торговли Европы и стран Востока, снизилось.

Однако неверно было бы думать, что Османская империя сама по себе не представляла никакого интереса для европейских стран как объект для ведения торговли. Обладая обширнейшей территорией, она являлась весьма притягательным рынком для европейских купцов.

Если ранее Турция торговала главным образом с Генуей и Венецией, то к концу XVI в. круг ее торговых сношений значительно расширяется. В 1535 г. был заключен дружественный и торговый договор с Францией, по которому французским купцам свободно дозволялось вести торговлю во владениях турецких султанов. В том же году Сулейманом была дарована Франции „капитуляция", ставившая французскую торговлю и французских подданных в особые привилегированные условия.[1]

Здесь уместно будет привести исчерпывающую характеристику сущности капитуляций и историю их происхождения, данные К. Марксом: „Так как Коран объявляет всякого чужеземца врагом, то никто не отважится выступать в мусульманской стране без мер предосторожности. Первые европейские купцы, бравшие на себя риск торговли с таким народом, пытались поэтому вначале обеспечить лично за собою исключительные условия и привилегии, которые, однако, распространялись впоследствии на всю их нацию. Таково происхождение капитуляций. Капитуляции, это — императорские дипломы, грамоты и привилегии, выданные Портою различным европейским нациям, которыми подданным этих наций давалось право беспрепятственно въезжать в магометанские земли, спокойно заниматься там своими делами и отправлять богослужение. От договоров они отличаются тем важным признаком, что не основываются на взаимности, не обсуждаются совместно заинтересованными странами и не утверждаются ими на основе взаимных выгод и уступок. Наоборот, они являются односторонне дарованными льготами, которые, следовательно, соответствующее правительство может по своему усмотрению взять назад".[2]

Англия до 1579 г. вела торговлю с Турцией под французским флагом, и ее купцы должны были подчиняться французским консулам. Однако в 1579 г. английскому посланнику Гарборну удалось, несмотря на интриги Венеции и Франции, выхлопотать для Англии право свободного торгового судоходства под своим собственным флагом в морях, состоящих под властью Турции, и свободного доступа сухим и морским путями во все порты и пункты, в пределах Османской импе-

[1] N. Jorga, op. cit., Bd. III, S. 87.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. X, стр. 8.

рии. Английские подданные вместе с тем получили привилегии, дарованные до того времени французским, венецианским и другим дружественным Порте нациям.[1]

При заключении договоров с европейскими государствами Османская империя выступает как равная и даже, иногда, как диктующая свои условия сторона. Турецкие султаны, давая европейцам капитуляции, совершали это, как акт величайшей милости и выражения самых дружественных чувств к тому или иному европейскому государю. И, конечно, ни одному султану и государственному деятелю Турции того времени не могла явиться мысль, что эти их милости, капитуляции превратятся со временем в один из главных рычагов колониального закабаления Османского государства.

Таким образом, мы видим, что Турция, с одной стороны, ведя почти непрерывные войны на Западе и на Востоке, с другой стороны, заключая дружественные и торговые договоры, постоянно играла видную роль в системе международных отношений XVI в. Политические и торговые связи Османского государства с внешним миром неминуемо должны были привести к возникновению влияния на его внутреннюю жизнь главенствующих в то время международных экономических факторов. Так, одним из основных факторов, как указывает Энгельс, явилось то положение, что „Внеевропейская торговля, происходившая до того (до великих заокеанских открытий XV в. — *А. Т.*) только между Италией и Левантом, распространилась теперь на Америку и Индию и скоро превысила по своему значению как товарообмен между отдельными европейскими государствами, так и внутреннюю торговлю каждой отдельной страны. Американское золото и серебро наводнило Европу, проникнув как разъедающий элемент во все отверстия, щели и поры феодального общества".[2]

Правда, Турция не вела торговли непосредственно с Америкой, но, как сообщает в своей истории Селяники, „... путешествующие с одного конца до другого по лицу земли торговцы привозили в Константинополь, столицу султаната, сушей и морем, изящные товары, какие только производятся на земле..."[3] Торговцы и ростовщики, а вместе с ними и торгово-денежные отношения проникали в глубь Турции и оказывали свое разрушающее действие на ее военно-феодальную систему, что становится особенно заметным именно в конце XVI в. Но прежде чем заняться рассмотре-

---

[1] N. Jorga, op. cit., S. 252—253.

[2] Ф. Энгельс. Антидюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 104—105.

[3] Селяники [Рукопись Института востоковедения (ИВ), л. 1996; в дальнейшем указывается: Селяники, со ссылкой на листы Рукописи ИВ].

нием отдельных симптомов процесса разрушения турецкого феодализма, необходимо вкратце упомянуть, что представляла собой в этот период Османская империя с точки зрения ее социально-политического устройства.

* * *

Военно-феодальный строй Османского государства, сложившийся при первых османских султанах в конце XIII и начале XIV в., упорядоченный законодательством последующих султанов [главным образом Мурадом I (1359—1389), Мехмедом I (1451—1481) и Сулейманом Кануни (1520—1566)], внешне оставался неизменным и в конце XVI в.

Однако, хотя этот вопрос еще очень недостаточно изучен, следует полагать, что во многих случаях внешние юридические формы уже давно перестали соответствовать их фактическому содержанию. Это прежде всего касалось власти султана, который на основании шариата продолжал считаться „тенью аллаха на земле", а потому и единственным властителем и распорядителем земель и заселяющих подвластные ему области подданных. Но это была формула для „подданных" в самом широком смысле этого слова. Фактически же роль султана уже в значительной мере была сведена только к тому, что его именем страной управляли государственные сановники и везиры, т. е. представители феодальной знати, которая составляла правящее и господствующее сословие Османской империи. Интересам феодальной верхушки и была подчинена вся политика османского султаната.

Свидетельства, подтверждающие это положение, находим мы и в турецких источниках. Так, Селяники отмечает на страницах своей хроники: „Да будут с помощью всевышнего упорядочены дела государственные, которые столь расстроены и запущены. Как дела государства, так и положение нации изменены государственными деятелями в противоречии со священным законом".[1]

Вся территория государства делилась на провинции или наместничества (эйялеты), во главе которых стояли назначаемые султаном бейлербеи (или мирмираны), являющиеся в военное время главнокомандующими войсками своих провинций.

Каждая провинция делилась в свою очередь на большее или меньшее число областей, называемых санджак, или

[1] و بعونه تعالى امور دولتك نيجه مختل و مشوش اولان اطوارينك انتظامنه باعث اوله و امور ملك و ملت احوالنى كه خلاف شرع شريف وكلاى دولت تبديل و تغييير ايتمشلردى (Селяники, л. 386а).

лива, которые управлялись санджакбеями (они же назывались и мирлива). Каждый санджак, наконец, делился на известное число больших и малых феодов, так называемых зеаметов и тимаров.

Все земли Османского государства делились на три основных категории: 1) земли частновладельческие, 2) земли вакуфные и 3) земли государственные.

В категорию земель частновладельческих (мюльк) входили те земли, которые были отданы султанами в полную собственность отдельным лицам. Эти земли находились в полном распоряжении их владельцев: они свободно переходили в наследство, могли быть проданы, подарены, переданы в вакуф (на благотворительные цели) и т. п. без особого на то разрешения со стороны султана. Мюльки появились вместе с образованием Османского государства, однако, первоначально, да, пожалуй, и до конца XVI в., удельный вес их в общей системе землевладения был незначительный. Количество „мюльковых" земель начало расти в связи с разложением системы ленных владений, когда, с одной стороны, феодалы стали присваивать земли, пожалованные им в лен, а с другой, — значительное количество земельных угодий путем покупки перешло в руки представителей торгово-ростовщического капитала. Свидетельства об этом мы находим у турецких авторов конца XVI и начала XVII в.[1]

Вакуфные земли (вакф), — земли, пожертвованные султанами и отдельными лицами на благотворительные цели мечетям, — фактически составляли основную материальную базу существования мусульманского духовенства. Получая колоссальные доходы с вакуфов, количество которых было весьма значительным, духовенство являлось крупнейшим феодалом в стране, и это обстоятельство еще более увеличивало роль духовенства во всех делах управления государства.

Что касается последней, третьей и основной категории земель Османского государства — государственных (арз-и мемлекет), то они целиком находились в ведении государственной казны, и распоряжаться ими мог по закону только султан или его доверенные лица.

Этот фонд государственных земель служил основной материальной базой для содержания всей военно-феодальной иерархии государства. Часть их находилась в непосредственном ведении государственной казны (арз-и мирийе), и доход с них поступал в государственное казначейство. Другая часть находилась в личном пользовании султана (хасс-и хумаюн —

---

[1] См., напр.: В. Д. Смирнов. Кучибей..., стр. 142, 147 и сл. — Селяники, л. 218б.

коронные земли) и членов царствующего дома (хасс-и селятин). Наконец, третья и самая большая часть их раздавалась султаном на правах ленных пожалований. Выполнение таких государственных обязанностей, как везира, бейлербея, санджакбея, различных придворных чинов и т. п. было связано с владением земельным наделом (хасс-и вюзера, хасс-и умера, арпалык), доходы с которого шли на удовлетворение всех расходов данного лица как служебных, так и личных. Утеря занимаемого поста влекла за собой и утерю всех связанных с ним владений, снова поступавших в государственный фонд.

Категория государственных земель, называемых тимарами и зеаметами, носила характер военно-феодальных ленов, жалуемых за несение военной службы перед государством.

В царствование султана Сулеймана Кануни муфти Абуссууд составил большой законодательный сборник, в котором он пытался дать шариатское обоснование всем юридическим феодальным институтам своего времени. Этот законодательный сборник под названием „Канун-наме-и джедид", якобы, был оформлен в последний год царствования Сулеймана [1] и известен нам в двух списках,[2] в которых имеются, однако, интерполяции более позднего времени. Вследствие того, что Абуссууд, как и позднейшие османские богословы-законоведы, постоянно ищут обоснований современных им юридических актов в коранических шариатских положениях, относящихся к VIII—IX вв., то естественно, что их изложение законов страдает большим схематизмом, абстрактно, подчас путанно и очень слабо отражает действительное положение вещей. Поэтому нам кажется, что и схема разделения земель на категории, произведенная, по Абуссууду, европейскими историками Турции (Доссон, Гаммер, Белен, Тишендорф), нуждается в коренном пересмотре. Изложив выше схему разделения земель так, как это нам представляется наиболее верным, мы приводим здесь для иллюстрации мировоззрения законоведов XVI в. и схему Абуссууда.

Так, Абуссууд производит классификацию земель не по принципу владения, а по налоговому признаку. Он пишет:

„Если имам,[3] завоевав страну, распределит земли ее между завоевателями, или же, если все население (той страны) до завоевания (ее) перейдет в мусульманство, и имам оставит им их земли, то земли эти будут у ш р и й е (т. е. десятинные), так как возлагаемые на мусульманина налоговые повинности должны отвечать богослужебным целям. А х а р а д ж является только обыкновенной податью. Поэтому мусульманин не может быть облагаем хараджем, а только ушром. Если имам, завоевав страну, не убивает и не берет в плен (жителей ее), а закрепит их на тех же местах и отдаст во владение им (تمليك) находящиеся у них земли так же, как и скот, и обло-

---

[1] J. H a m m e r. Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, Bd. I, S. 73. — P. T i s c h e n d o r f. Über das System der Lehen . . ., S. 44.

[2] См.: Рукопись ИВ № 1862. Ф. А. 96 и издание على تتبعلر مجمو عەسى, т. I, вып. 1, стр. 49—112, и вып. 2, стр. 305—363.

[3] Имам (امام) — духовный глава мусульман; здесь подразумевается турецкий султан, который носил звание халифа или имама. По этому вопросу см.: В. Б а р т о л ь д. Халиф и султан. Мир ислама, т. I. СПб., 1912, стр. 203—225, 345—400.

жит их податью джизье,[1] а земли обяжет налогом, то налог тот будет безусловно хараджем, а брать с них ушр невозможно, так как ушр имеет смысл богослужения, а кяфир не призван к этому и посему облагается хараджем. А он (харадж) бывает двух родов: первый хараджи муваззаф (خراج موظف), который взимается (за землю) ежегодно в определенной денежной сумме, и второй хараджи мукасеме (خراج مقاسمه), который назначается в соответствии с плодородностью земли в виде десятой или восьмой доли собранного урожая. Если земля в высшей степени плодородна, то закон допускает назначение (хараджа) вплоть до половинного размера урожая. Обе упомянутые категории земель принадлежат их владельцам на правах собственности (ملك). Но земли сей плодоносной страны (т. е. Анатолии. — *А. Т.*) не являются подобно тем ни ушрийе, ни хараджийе, а составляют государственные земли (ارض مملكت) и находятся в ведении казны (بيت المال). (Эти земли) передаются райе[2] на правах «тапу».[3] (Райя) платят хараджи муваззаф и хараджи мукасемё сипахию (феодалу). Они (т. е. райя. — *А. Т.*) не могут продавать и отчуждать эти земли. Если они умирают и у них остаются сыновья, то последние пользуются землей на тех же началах. (А если сыновей нет), то сипахи передает землю на правах «тапу» другому. Земли этой категории до тех пор, пока они не будут отданы в собственность (ملك) самим падишахом мусульман, ничьей собственностью быть не могут".[4] Однако столь строгое отличие земель хараджных от десятинных, предписанное вначале, уже через несколько страниц нарушается последующими разъяснениями в этом же законе. Так как разрешались купля и продажа права на владение землей этих двух категорий, то закон дал следующее указание: „Купившие (хараджные земли), как указано выше, засевают их, убирают урожай и платят хараджи муваззаф и хараджи мукасеме. Если земли эти будут куплены мусульманами, то получаемые от кяфиров (оба) харадж не отпадут, и (мусульмане) должны будут уплачивать их без остатка. Хотя первоначально возлагать на мусульманское население харадж законом не дозволялось, взимать его как остаток (перешедший вместе с землей от неверных) разрешается".[5]

Даже на этом небольшом отрывке можно легко убедиться в нелогичности построения приведенной схемы, тем более, если принять во внимание, что и для земель из категории казенных (بيت المال) основными формами налогов были те же ушр с мусульман и харадж с немусульман.

Несомненно, такое положение постепенно должно было привести, с одной стороны, к стиранию граней между этими, якобы, различными категориями земель, а с другой стороны, к постепенному уменьшению различия между налоговыми повинностями с мусульманского населения и немусульманского. Но вопрос, в какой форме и в течение какого времени проходил этот процесс и какие он дал результаты, еще не изучен и ждет своего разрешения.

---

[1] Джизье (جزيه) — первоначально подушная подать, возлагавшаяся на немусульманское население. Со временем она потеряла свое самостоятельное значение и также стала называться хараджем.

[2] Райя (رعايا) — дословно „стадо", в переносном смысле — „подданные". Так называлось в Турции все податное сословие страны в противоположность военному сословию „askerî sınıf". См.: Ömer Lütfi Barkan. Osmanlı Imparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî statüsü. Ülkü, 1937, № 49. стр. 35.

[3] О „тапу" см. ниже.

[4] مجموعه‌سى تتبعلر ملى 1331, т. I, вып. 1, стр. 50—51.

[5] Там же, стр. 57.

Тимаром назывался ленный надел, приносивший до 20 000 акче[1] годового дохода; зеаметом — надел, приносивший от 20 000 до 100 000 акче.[2]

Владельцы тимаров и зеаметов (сахиби арз), носившие общее название тимарных сипахиев (тимарлы сипахлар), а чаще просто сипахиев, были обязаны выполнять военную службу перед государством, т. е. по первому зову султана они должны явиться в указанный пункт во главе положенного количества конных и вооруженных воинов (так называемых „джебели" — латников). Невыполнение ими этих обязанностей влекло за собой утерю лена. Тимары и зеаметы переходили по наследству (по мужской линии) детям их владельцев, если последние (т. е. дети) так же продолжали нести ленную службу перед султаном, но не могли быть проданы, подарены, раздроблены или посвящены в вакуф. В случае отсутствия наследников ленные наделы снова поступали в государственную казну.

Однако и в этом случае сам же закон допускал некоторые исключения, которые на практике, конечно, должны были иметь широкое распространение. Владелец тимара, получив право распоряжаться (землею) на основании жалованной грамоты (برات) или свидетельства (تذكره), передает право пользования (землею) проживающим на ней райя и взимает (с них) «обычные» (رسوم عرفيه) и законные (حقوق شرعيه) налоги.[3] Так как (эти земли) не являются собственностью ни владельца тимара, ни (земледельцев), пользующихся землею, то ни продажа, ни дарение их, ни превращение в вакуф не допускается. Но передача в наем (اجاره) или во временное пользование (اعاره) дозволены. А с разрешения кануна[4] возможны и продажа и передача в наследство по мужской линии.[5]

Владельцы ленных наделов передавали свои земли крестьянам, приписанным к тому или иному тимару или зеамету, на правах „тапу".

Не имея возможности подробно останавливаться в данной работе на выяснении сущности права „тапу", которое является до сего времени совершенно неизученным, выскажем только свое сомнение по поводу правильности трактовки Гаммером и другими европейскими историками права „тапу", как арендной платы за право владения землей.[6] Возможно, что

---

[1] Акче — мелкая серебряная монета, стоимость которой изменялась с течением времени, а первоначально составляла $^1/_3$—$^1/_4$ дирхема. Дирхем (драхма) по весу равен 3 г 78 мг. См.: M. Belin. Essais sur l'histoire économique de la Turquie. Journ. Asiatique, 1864, t. III, p. 422—424.

[2] M. Belin. Du régime des fiefs... Journ. Asiatique, 1870, t. XV, p. 226. — В. Д. Смирнов. Кучибей..., стр. 87.

[3] О названных налогах см. ниже.

[4] بحسب القانون, т. е. на основании султанского указа.

[5] ملى تتبعلر مجموعه‌سى, т. I, вып. I, стр. 55 (подчеркнуто мной. — *А. Т.*).

[6] J. Hammer. Des osmanischen Reichs Staatsverfassung..., Bd. I, S. 345, 376.

для более позднего времени это и будет соответствовать действительности, так как „тапу" на различных этапах истории Турции, несомненно, претерпевало изменения, но для конца XVI и начала XVII в. право „тапу"[1] нам представляется как определенная форма феодальной зависимости крестьянина от ленного владельца, в силу которой первый был обязан обрабатывать отведенный ему участок земли и уплачивать определенные налоги своему феодалу. Последний, в свою очередь, выдав крестьянину „тапу" (свидетельство на право владения, в данном случае), обязан был следить за тем, чтобы подданный не бросал отведенного ему участка и не переходил к другому феодалу, не оставлял землю незасеянной, аккуратно выплачивал причитающиеся с него налоги. Право „тапу" было наследственным, но в случае, если после смерти крестьянина у него не оставалось ни прямых, ни косвенных родственников, феодал передавал эту землю на тех же правах другому крестьянину.[2]

На налоги и прочие доходы со своих ленов феодалы обязаны были вооружать и поставлять государству воинов. Вот это кавалерийское войско тимарных сипахиев и было основой военной мощи Османского государства.

При Сулеймане Кануни количество воинов, поставляемых тимарами и зеаметами, достигало 200 000 человек.[3]

На ряду с этим, султанское правительство содержало при дворе значительное количество регулярных, состоящих на жаловании, войск (капу кулы). Это были: 1) пехота — корпус янычар и 2) кавалерия, так называемая „челядь шести полков" (алты бёлюк халкы), носивших общее название сипахиев, состоящих на жаловании (улуфели сипахилер). Согласно сведениям Хаджи Халифе, все войско, состоящее на жаловании в 970 г. хиджры (1562—1563 г. до н. э.), при Сулеймане достигало 40 479 человек.[4]

Остановимся теперь кратко на системе налоговых повинностей, которые обязано было выполнять крестьянство Османской империи.

По мусульманскому праву (шариату) с подданных государства должно взиматься четыре налога, носивших общее название р у с у м и ш е р и й е, т. е. „законные налоги". Сюда входили: у ш р — десятинный налог с мусульманского населения и х а р а д ж — налог с немусульманского населения, взимав-

[1] طابو — значит повиновение, подчинение قاموس تركى سامى‌بك, стр. 857.

[2] Все вопросы, связанные с правом тапу, подробно изложены в „Канунname" Сулеймана, где приведены многочисленные толкования муфтиев по этому поводу. См.: ملى تتبعلر مجموعه‌سى, т. I, вып. 1, стр. 59 и сл.

[3] M. D'Ohsson, op. cit., t. III, p. 414.

[4] ... الخلل لاصلاح دستور العمل . كاتب چلبى خاجى خليفه (Рукопись ИВ, № А. 320, л. 60а).

шийся в двух видах — с участка земли (хараджи муваззаф) и с урожая — того же участка (хараджи мукасеме). Размер десятины и хараджа с урожая был весьма непостоянен и колебался от $^1/_{10}$ до $^1/_2$ доли урожая.

В число „законных" же налогов входила подушная подать с немусульманского населения, носившая название джизье, которая определялась взамен несения военной службы (как известно, немусульманское население не допускалось законом в турецкую армию). Но когда постепенно немусульманское население также стало набираться в ряды войска, специфическое значение джизье утратилось.

И, наконец, четвертый налог — зекят — ежегодная мусульманская подать, которая налагалась на население и состояла из $^1/_{40}$ части с годового дохода на имущество (жилище, домашняя утварь, стада животных и т. п.) и товары.

На основе этих четырех „законных" налогов постепенно в Турции выросла целая система всевозможных поземельных и подоходных податей, получивших свои названия. Так, поземельный харадж (харадж муваззаф) в различных случаях находил свое выражение в особых налогах (как, напр., ресми чифт или чифт акчеси, ресми тапу, ресми донюм, басма акчеси и т. п.); ушр и харадж с урожая (хараджи мукасеме) взимались в виде особых налогов на продукты садов, виноградников, огородов, на хлопок и т. п. (ресми баг, ресми бахче, ресми бостан, ресми пенбе и т. п.); к зекяту принадлежали такие налоги, как овечий налог (ресми агнам), налоги на верблюдов, буйволов, ослов (ресми деве, ресми джамус, ресми меркеб и т. п.), различные таможенные пошлины и т. д. Абдуррахман Вефик, автор работы о налоговой системе Османской империи, приводит 80 названий подобного рода налогов, существовавших в Турции до Танзимата.[1] Все эти налоги поступали или непосредственно в государственную казну, если они взимались с земель казенных и частных, или к феодалам, если они взимались с земель, принадлежащих ленникам.

Однако постепенным наслоением политического законодательства османских султанов, на ряду с названными выше „законными" налогами, возникла целая система налогов, основанных на обычае, на традициях и получивших общее название текялифи урфийе, количество и размер которых определялись не шариатом, а существующим местным обычаем. Это были большей частью натуральные повинности перед местными управителями и феодалами, а в военное время — натуральные поставки продуктами и всевозможными вспомогательными материалами войскам. Последние сдавались или

[1] عبد الرحمن وفيق. تكاليف قواعدى. درسعادت، ١٢٣٨، ص ٢٦—٢٨

в казну или непосредственно военному командованию армии, расположенной в той или иной провинции. Иногда эти повинности принимали форму отработок (напр., при починке мостов, дорог, рубке леса и т. п.). Первоначально подобного рода налоги взимались довольно редко и в незначительном количестве (так, напр., авариз[1] взимался в 5 лет раз по 20 акча), но постепенно, в связи с расширением завоевательных войн Османской империи и увеличением численности наемной армии, государственная казна стала испытывать большие затруднения. Поэтому мы видим, что к концу XVI в. количество „обычных" налогов чрезвычайно возросло, и в сочетании с развившимися злоупотреблениями в системе сбора их эта категория налогов стала наиболее тягостной для турецкого крестьянина, непрерывно находившегося под угрозой все новых обложений, в результате которых отнимались последние крохи, необходимые для пропитания его семьи. В упомянутой выше работе А. Вефика приведено 97 названий этого рода повинностей, существовавших в Османской империи до Танзимата.[2] Понятно, что не все приведенные 97 налогов и повинностей существовали одновременно и повсеместно. Вся их особенность заключалась в том, что они вводились иногда управителями провинций и другими государственными чиновниками самостоятельно и бесконтрольно только для местных нужд. По этой причине часто здесь царил полный произвол, при котором нередко налоги превращались в статьи личных доходов их сборщиков. На ряду с этим к концу XVI же века в Турции получает распространение откупная система взимания налогов, когда Порта начинает продавать право сбора налогов в целых провинциях, отдавая, таким образом, крестьян в распоряжение алчных откупщиков, более всего заботившихся о своей личной наживе.

Итак, крестьянство Османской империи несло на своих плечах всю тяжесть содержания огромного государственного военно-феодального аппарата путем сложной системы налоговых повинностей как перед феодалами, так и непосредственно перед государством.

Контроль за обработкой казенных и султанских земель и за своевременным сбором налогов с сидящих на них крестьян находился в ведении государственной казны и ее специальных финансовых чиновников — дефтердаров. Что касается военных

---

[1] Авариз (عوارض) — чрезвычайный налог, взимавшийся в связи с военными нуждами через каждые 4—5 лет. Постепенно в некоторых районах он принял форму постоянного ежегодного налога и размер его достигал 300 акче. См. В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 139. — А. Вефик, ук. соч., стр. 98.

[2] А. Вефик, ук. соч., стр. 91—118.

ленов, там, как мы уже видели, перед султаном был ответствен только феодал, которому принадлежало право сбора налогов с его владений.

Вопрос о форме зависимости турецкого крестьянина от феодала еще совершенно не изучен, но на основании тех незначительных фактов, которые уже сейчас известны, можно сделать вывод, что прикрепление крестьян к земле в Турции имело место. Так, в законе Сулеймана имеется немало разъяснений о том, что крестьянин, приписанный по реестру к данному тимару, обязан аккуратно обрабатывать отведенный ему участок земли и ни в коем случае не может покинуть его и перейти в другое место. В случае же самовольного ухода феодал имел право разыскать беглеца и, если со времени бегства не прошло десяти лет, водворить его на прежнее место, взыскав штраф за причиненные убытки.[1]

С этой точки зрения представляет значительный интерес напечатанная в 1937 г. в журнале „Ülkü" статья современного историка Ömer Lûtfi Barkan о юридическом положении крестьянства в Османской империи, где, основываясь на документах, автор приводит очень интересные данные по вопросу о феодальных повинностях турецкого крестьянства.[2]

„Изучение налоговых реестров эпохи завоеваний, — пишет Ömer Barkan, — показывает нам, что взамен освобождения от целого ряда налогов множество крестьян повсеместно несло повинность постоянной государственной службы. Согласно этим сведениям, вся империя представляется в виде единого падишахского имения: сотни деревень являются обязанными обеспечивать дворец по определенному плану лучшими ячменем и рисом, маслом, мясом, пшеницей, дровами. Многие деревни были обязаны повинностью добывать квасцы, селитру, благоустраивать окрестности караван-сараев, ремонтировать мосты и дороги, охранять горные проходы. Наблюдающие за султанскими лошадьми (voynuklar, tatcilar at çekenler) и верблюдами (boğurcular); походные рабочие батальоны и подсобная армия для подвоза боевых и съестных припасов (yaya и mussellem'ы), ежегодно в определенном количестве готовые к услугам государства для литья пушек, постройки и ремонта дорог, крепостей и султанских мечетей; bazdar'ы, содержащие охотничьих птиц — ястребов, перепелятников, соколов, — все это было подчинено единой цели обслуживания государственной машины. У падишаха, т. е. казны имелись сотни тысяч баранов, коров, буйволов, верблюдов, и сотни деревень ходят за

[1] ملی تتبعلر مجموعه‌سی, т. I, вып. 2, стр. 305 и сл.

[2] Ömer Lûtfi Barkan. Osmanlı Imparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî statüsü. Ülkü, 1937, № 49, 50, 53, 56, 58, 59.

ними и по требованию приводят скот в назначенное место для сдачи (казне). Часть юрюков[1] ткет холст для палаток и парусов, кует подковы, вырабатывает смолу, заготовляет строевой лес, делает стрелы и луки, и все это берется у них или за определенную плату, или взамен освобождения от некоторых налогов. Евреи-ткачи в Салониках, изготовлявшие материю для янычарских плащей, ни в коем случае не могли покидать города, а если они уходили самовольно, то были возвращаемы силою обратно.

„В этой связи обязанность деребенджиев особенно интересна: для обеспечения порядка и безопасности, систематически располагали деревни в горах на важнейших дорогах в ущельях, в опасных местах, в пустынных уголках разбойничьих пригонов, в местах сужения рек, где образуются переправы. Для того, чтобы обеспечить постоянный ночлег и безопасность для путников, сотни деревень, записанные по указу, как д е р е б е н д ж и, несли ответственность за спокойствие в окрестностях горных проходов, сторожили по очереди на всем протяжении дорог, связывающих отдельные владения Османской империи. Взамен освобождения от некоторых налогов, их обязанностью было также указывать дорогу прохожим, обеспечивать им отдых, очищать и обновлять дороги, переправлять путников через реки. Деребенджи, подобно находящимся в армии рядовым, не могли уйти, оставив свои обязанности; в противном случае их разыскивали и силой возвращали на прежнее место".[2]

Все эти факты Омер Баркан приводит в качестве иллюстрации того, насколько „идеальной" была структура Османской империи с точки зрения подчинения функций всех слоев населения страны единой цели: „чтобы армия турецкого султана в любую минуту была готова выступить в поход для завоевания новых земель или для отражения наступления врага".

Однако нам думается, что все факты, приводимые Омер Барканом, имеют также первостепенное значение и для иллюстрации того, сколь разнообразны были формы феодальных повинностей в Османском государстве и что в большинстве случаев эти повинности осуществлялись путем внеэкономического принуждения.

---

[1] Ю р ю к и — кочевые и полукочевые племена, для которых во всех законах османских султанов предусматривались особые повинности в военное и мирное время.

[2] Омер Б а р к а н, ук. соч., № 50, стр. 102—103.

Глава III

ПРЕДПОСЫЛКИ ВОССТАНИЯ КАРА ЯЗЫДЖИ

Какова же была политико-экономическая ситуация внутри Османской империи накануне восстания Кара Языджи и что привело к возникновению этого мощного движения?

Как мы уже упоминали в обзоре источников, более всего материалов для характеристики положения Османской империи в эту эпоху находим в „Истории Селяники". Сообщая о смерти султана Мюрада III в 1595 г., Селяники как бы подводит итог его 21-летнему царствованию (с 1574 по 1595 г.) и дает довольно полную картину состояния государственных дел.

Вследствие того, что царствование султана Мюрада III сопровождалось почти непрерывными войнами, — пишет Селяники, — „произошло расстройство в состоянии финансовых дел. Чем далее, все выше поднималась цена на золото и серебро... Цены на одежду и продукты питания возросли. В то время как по древним османским законам из 100 дирхем серебра чеканили 400 акче, теперь дано разрешение делать из того же количества 800 акче. Все живущие на жаловании стали получать золотом и серебром половину того, что получали раньше. Сердары (т. е. главнокомандующие), отправляясь в поход на восточные страны, стали увеличивать численность (наемного) войска..., придавая ему внешний блеск и пышность, вследствие чего расходы государственной казны достигли предельных размеров. Доходы казны не покрывали расходов ее, и потому произошли огромные (финансовые) затруднения... Чрезвычайные государственные налоги один за другим беспримерно стали налагаться на подданных страны. Одним словом, подданные перестали подчиняться ферманам (султанским указам), а войско стало дерзать против падишаха... Расходы государства стали чрезмерны, расточительность на украшения достигла предела, справедливые цены на продукты уже нигде не спрашиваются мусульманами, такса не употребляется... Во времена прежних султанов стоимость свидетельства на откуп

таможенных сборов не превышала 235 юк[1] в три года. Теперь же это свидетельство продается за 600—700 юк... Сукно, атлас, различные шелковые и хлопчатобумажные ткани, тюрбаны и одеяла мало того, что продаются неполным аршином, но и цены на них многократно возросли, а соразмерно этим ценам взимаются и таможенные пошлины... В среду государственных сановников проникли чужие и низкие люди, которые вошли также и в янычарские очаги.[2] В результате открытого взяточничества принципы сословий были нарушены. Стало уже обычным и законным потворствовать принятию разного рода новшеств, разлагающих устои Османской империи. У прежних султанов никакое дело, если оно хоть в минимальной степени связано с кяфирами, не было и на йоту дозволено и возможно, а теперь такие дела принимаются и выполняются".[3]

Первое и главное, на что обращает внимание Селяники, — это финансовое и экономическое расстройство, охватившее страну к концу царствования султана Мюрада III и выражавшееся внешне в недостатке предметов первой необходимости, чрезвычайно высоких ценах, падении курса турецкой монеты и т. п.

Непрерывные войны Турции с соседними государствами требовали увеличения армии и, соответственно этому, средств на содержание ее, а также на ведение войны.

Кятиб Челеби дает следующие чрезвычайно интересные данные о росте численности турецкого наемного войска и расходов на него.

Дата	Численность войска (человек)	Содержание войска (в юках)
В 970 г. хиджры (1562/3 г. н. э.) . .	40470	1223
В 974 г. (1566/7 г.)	47316	1264
В 1004 г. (1595/6 г.)	64425	1782
В 1018 г. (1609/10 г.)	91209	3108[4]

Таким образом, мы видим, что за сравнительно небольшой отрезок времени как численность турецкого наемного войска, так и количество средств, расходуемых на содержание его, увеличились более чем вдвое.

Расходы на содержание армии и стамбульского двора поглощали все доходы государства, а позже значительно пре-

[1] Юк или вьюк (يوك) равняется 100 000 акче (В. Д. Смирнов, стр. 161, прим. 31).

[2] Очаги — так назывались корпуса янычарских и других войск.

[3] Селяники, л. 197б — 200б.

[4] كاتب چلبى ... دستور العمل (Рукопись ИВ, л. 60а — 60б).

вышали их. Из года в год растет дефицит в государственном бюджете Османской империи. По данным того же Кятиба Челеби:

Дата	Гос. доход (в юках)	Гос. расход (в юках)
В 972 г. хиджры (1564 г. н. э.) . . .	1830	1896
В 1000 г. (1591/2 г.)	2934	3634
В 1005 г. (1596/7 г.)	3000	9000[1]

Такое несоответствие доходов и расходов государства привело к тому, что в 1596 г. дефицит был равен 6000 юк, т. е. в два раза превышал доход империи. Желая выйти из создавшегося финансового кризиса, султанское правительство все чаще прибегает к отдаче государственных земель откупщикам. Так, Кучибей указывает, что еще „верховный везир Рустем паша,[2] заботясь об увеличении государственной казны, в противность священному закону отдал на откуп[3] собственные султанские имения и ленные наделы, составляющие имущество всех верующих... А это повело к расстройству и разорению уделов[4] и собственных императорских сел".

Естественно, что отдача на откуп государственных земель не могла спасти страну от финансовых затруднений, так как, получив откупную сумму в момент острой необходимости в деньгах, правительство вместе с тем фактически лишалось доходов со своих земель. Все доходы с них поступают теперь в карман откупщиков. Таким образом, эта мера могла оказать только временную поддержку, а по существу вела к ухудшению экономического состояния государства. Результаты про-

[1] Там же, л. 61б — 62а.

[2] Рустем паша занимал пост великого везира при султане Сулеймане дважды: с 1544 по 1553 г. и с 1555 по 1561 г.

[3] В данном случае нам кажется, что будет исторически вернее для XVI в. слово التزام переводить не „аренда", как это делает В. Д. Смирнов, а „откуп".

[4] مقاطعات — участок земли, отдаваемый кому-либо за определенную плату на откуп. Здесь Кучибей, говоря о том, что Рустем паша впервые ввел систему отдачи на откуп государственных земель, не мог употребить слово مقاطعات в значении „доходные статьи" или „аренда", так как до того времени в Турции مقاطعات в этом смысле, видимо, еще не употреблялось. Ср. Рисале Кучибея: دردنجی سبب بودر که خواص همایون و مقاطعات که بیت المال مسلمیندر وزیر اعظم رستم پاشا سعی کوستروب ایچون خلاف شرع شریف التزامه ویروب مقاطعات و خاص همایون قریه‌لرینك کسرینه و خراب اولمسنه بادی اولدی (رساله قوچی بك، ص ٢٥)
Перевод В. Д. Смирнова, стр. 173—174. Примеры употребления термина „мукатаа" в смысле земельного владения, лена вообще, находим мы также и в работе авторитетного турецкого историка Көпрюлю Мехмед Фуада в его статье „Bizansın osmanlı müesseselerine te'siri (Türk Hukuk ve Iktisat Tarihi Mecmuası. 1931, т. I, стр. 221 и сл.).

никновения ростовщического капитала в сферу феодального землевладения в Турции подтверждают высказывание Маркса о том, что „При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции".[1]

Категория ленных земель, служившая ранее основой экономического благосостояния турецких феодалов, а вместе с тем и военно-политического благополучия Османской империи в целом, постепенно начинает утрачивать свое значение. Все усиливающаяся потребность в деньгах как у правительства, так и у отдельных феодалов заставляет прибегать к всевозможным ухищрениям в этом направлении. Постепенно деньги начинают играть руководящую роль в политике. „Без взятки под видом бакшиша не предоставляется ни один пост, ни одно служебное место,[2] — говорит Селяники, — а придворные все усилия и заботы прилагали к тому, чтобы сколотить казну, говоря, что на черный день понадобится белая копейка".[3]

Нарушение существовавшей ранее строгой сословной наследственной преемственности всех феодальных привилегий, с одной стороны, и повинностей, — с другой; проникновение в связи с этим чужеродных военно-феодальному строю Турции элементов в его систему, явились главными мотивами недовольства, высказываемого турецкими историками того времени, отражавшими настроения основной массы турецких феодалов.

Так, Кучибей, говоря о прежней военно-феодальной армии, которая являлась основной опорой могущества Османской империи, заявляет: „Это была преданная династии, добропорядочная и подчиняющаяся дисциплине дружина. Между ними не было ни одного постороннего: все были сыны своего очага, преемственно, от отца к сыну, пользовавшиеся царским иждивением. А чтобы в число владельцев тимаров и зеаметов как-нибудь не попали чужие, то вначале ни одному из этих последних не давали грамоты на малое поместье. Да и сыновьям-то старинных сипахиев, а также урожденным янычарам, в то время как выдается полномочная грамота, пока два заима и десятеро тимариотов не засвидетельствуют того, что одни есть действительно потомственные сипаи, а другие — дети янычарские, не выдавалась (эта грамота)".[4]

Но указом 937 (1530/31) г. право выдачи феодов, которое принадлежало ранее бейлербеям, было присвоено Сулейманом

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. III. Изд. 8-е, М., 1932, стр. 428.
[2] Селяники, л. 198а.
[3] Там же, л. 198б.
[4] رسالهٔ قوچی بك ص‌ه — В. Д. Смирнов. Кучибей..., стр. 88—89.

Кануни Высокой Порте,[1] в результате чего прихоти и интриги дворцовой клики начали играть в этом деле довольно значительную роль.

В этом указе Сулеймана можно усмотреть попытку усиления централизации государственного управления Османской империи. Однако, как мы видим, указанное мероприятие привело не к объединению и укреплению страны, а, наоборот, встреченное недовольством основной массы провинциальных феодалов, почувствовавших начало узурпации их прав, послужило причиной еще большего отчуждения между султанским правительством и владельцами ленных наделов, а также усиления наблюдавшихся и до этого времени сепаратистских движений местных феодалов и невыполнений ими своих военных повинностей. В совокупности же с развившимся затем общим экономическим кризисом страны это мероприятие Сулеймана и привело к ослаблению военной мощи Османского государства.

Проникновение чужеродных элементов в среду феодалов и государственных сановников происходило при помощи взяточничества, подкупа, протекции во всей государственной системе, что и было характерным для деятельности государственных чиновников в этот период. „Погрязшие во взяточничестве вершители (государственных) дел в столице не желают знать о расстройстве порядков в стране. Управление государством перешло в руки чужаков...[2] Недостойные и неспособные невежды и бездельники приходят и занимают государственные должности. Властвуя над народом, они чинят насилия и несправедливости. Среди судей царит откровенное взяточничество. Абсолютно стало невозможным выполнить ни одно дело без взяток“.[3]

Кто же эти новые люди, проникающие в турецкую феодальную систему, которых османские историки называют „недостойными“, „презренными“, „чужаками“ (эджнеби) и т. п.?

„Причиной бесчестия (Османского государства) являются те обстоятельства, что в царствование покойного султана Мурада хана в гарем проникли низкие люди инородного происхождения, а сердарами были присоединены к военной челяди дети персов, цыган, евреев, лазов, русских и горожан, принятых за взятки“,[4] — говорит Селяники. Примерно то же пишет и Кучибей: „Вообще с той поры (1582 г.) ко всякой корпорации примешивались неизвестного закона и религии

[1] P. Tischendorf, op. cit., S. 44. — В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 245.
[2] Селяники, л. 372б.
[3] Там же, л. 165б.
[4] Там же, л. 218а, а также л. 107б, 223а.

горожане, турки, цыгане, персияне, курды, лазы, бродяги, погонщики мулов, верблюжьи вожаки, грузчики, разбойники, воры и другие разного рода люди; обычаи и правила таким образом нарушены, закон и постановления недействительны. По этой причине в государстве зло и смятения, бунты и волнения беспрерывны; порядок и благоустройство в сторону".[1]

Или в другом месте: „...последующие же (главнокомандующие)... стали давать грамоты (на награды) зря, тем, кому и не следует, кто ни по рождению, ни по происхождению не пользовался содержанием; даже такого рода лицам, какова толпа ничтожных, ни к чему негодных людей из класса горожан и поселян".[2]

В. Д. Смирнов в упомянутой работе о Кучибее на основании подобных фактов замечает: „Итак, коренное зло, погубившее Турцию, по мнению османских писателей, — это наводнение государства их разными чужестранцами, которые проникли во все сферы жизни его: эджнеби — вот настоящие черви, подточившие корни его". Соглашаясь с этим, В. Д. Смирнов далее приходит к заключению, что неофиты не были хорошими мусульманами и, ничем не связанные с основной национальностью страны, они при всякой возможности грабили чистокровных османов,[3] т. е. противоречия между турецкими феодалами и чуждыми им элементами, проникающими к кормилу государственного управления, он сводит только к национальному и в первую очередь религиозному антагонизму между ними. Несомненная ошибочность этого вывода В. Д. Смирнова происходит потому, что он односторонне понял употребляемый турецкими писателями термин „эджнеби" (иностранный), только в смысле иной национальности, в то время как мы могли заметить по приведенным выше цитатам из Селяники и Кучибея, они, на ряду с инородцами, говорят о горожанах, погонщиках мулов, грузчиках и т. п., т. е. и об иной социальной сущности этих элементов. Другое дело, что эта иная социальная сущность при-

---

[1] و بالجمله هر زمره‌یه تاریخ مزبوردن بری ملت و مذهبی نامعلوم شهر اوغلانی وترك وچنکانه و تات و کورد و اجنبی و لاز و یورك و قاتمرجی و دوه‌جی و حمال و اغده‌جی و قطاع طریق و یان کسیجی و سائر اجناس مختلفه ملحق اولوب آیین و ارکان بوزلدی، رسالهٔ قوچی بك ص ۱۵—۱۶, (В. Д. Смирнов. Кучибей..., стр. 135—136).

[2] مناسبتی اولمیان و اصلنده و جنسنده درلك تصرف ایتمیان شهر اوغلانی و رعایا قسمندن بر الایی فرومایه‌که بر شیئ یرامز اول مقوله شخاصه ابترا امرلرین رایکان ایدوب... رساله. ص ۱۲ (В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 123).

[3] В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 265 и сл.

шельцев часто совпадала в Турции с их инородным происхождением, что и давало повод как турецким летописцам, так и позднейшим буржуазным историкам (ср. упоминаемого в обзоре источников Хюсамэддина) не отделять борьбы социальной от национальной и потому освещать исторические события крайне односторонне. Однако стоит только внимательно присмотреться к тому, что принесли с собой „чужаки", занимая государственные посты, как мы увидим, что они явились чуждыми по методам своей деятельности именно самой феодальной системе Османского государства и потому, на ряду с прочими экономического порядка факторами, способствовали также если не полному разрушению существовавшей доселе феодальной системы, то во всяком случае значительному ослаблению и расстройству ее. Главным орудием в их руках, способствовавшим этому делу, оказались деньги. „Выходцы из гарема и очагов, — пишет Селяники, — разнородные (по составу) не были связаны с мусульманской религией; вероломные и злые, сколько раз они оскорбляли честь высокого Дивана! Чины и дирлики[1] окончательно перестали выдаваться в соответствии с достоинством и заслугами... Дисциплина стала невозможна. Продавая тимары отправляющимся в поход, они за деньги, как им хотелось, торговали честью в бёлюках,[2] и значение дирлика тем самым снижено... Отныне вступающие на государственную службу только тем и занимаются, что расточают и тратят государственную казну".[3]

Проникая в среду феодальных землевладельцев, выходцы из нефеодальных слоев придают иной социальный смысл этой категории землевладения. Они становятся частными собственниками попавших им в руки земель и обращают доход с них в свою личную пользу.

Таким образом, подрывается не только военно-феодальная организация, но и самая социально-экономическая основа султанской власти вообще. Категория ленных земель начинает все более и более терять свое значение: „Ранее, великий везир и бейлербей совместно сами выдавали дирлики тем, кто прославился храбростью на богохранимой границе. Со временем, когда произошли изменения в обычаях Османского правительства и древних законах и султаны лично не ходят воевать с неверными, посылая из столицы сердаров в войско, то сердары, действуя по своему усмотрению, довели посте-

---

[1] Дирлик (ديرلك) — „жизненность", „жизненные припасы", „кормление" — общее название для всех категорий ленных наделов, существовавших в Османской империи.

[2] Бёлюк — рота янычар или сипахиев, состоящих на жаловании.

[3] Селяники, л. 218б.

пенно до того, что кылыджи[1] исламского войска были розданы чавушам,[2] письмоводителям, мутеферрикам,[3] слугам вельмож и придворным пажам; доходы с них поступают в сундуки слуг, немых[4] и других не ходящих на войну вельмож, и поэтому кылыджи богохранимой границы пришли в расстройство и упадок. А когда каждый достойный приносил заявление от бея и бейлербея о том, что (дирлик) свободен, то ему с откровенным цинизмом давали ложный ответ: «Этот уже давно отдан» и вместе с тем недостойные и низкие люди и инородцы взятками да прочими нечистыми путями становятся обладателями дирликов, а давнишние сыны очагов, оставаясь лишенными их, питают отвращение (к этим порядкам), и мир идет к разрушению".[5]

„Прежние султаны, да будет над ними милосердие аллаха, давали на границах военные дирлики, тимары и зеаметы только тем, кто, охраняя границы, проявлял смелость и отвагу; выморочные земли не отнимали у очагов, сынов и родственников не лишали (права наследства) и закона не нарушали. Когда из Порты направлялось войско и мы выступали на врага, то пограничная охрана самых лучших кылыджей встречала нас с достатком и помогала нам. А теперь на те дирлики в столице выправили бераты[6] на имя слуг из свиты вельмож, и доходы поступают к ним в шкатулки и сундуки. На границах кылыджей не осталось, они разрушились и запустели. Жалование не доходит до войска. Когда мы выступаем против неверных, то конные спутники нашей армии (т. е. сипахи) не приходят. Уже на скольких аренах (битвы) нас побеждали. Вы изменили обычаи и правила государства династии Османов. Законы исчезли. Враг осведомлен (о нашем) положении. Плуты и чужаки заполнили мир взятками".[7]

Приведенные факты с неопровержимой ясностью показывают прежде всего то, что уже к концу XVI столетия в Османской империи налицо было начало разложения ленной системы землевладения. О степени и глубине этого процесса мы пока говорить не будем, поскольку сейчас не это является нашей

---

[1] Кылыдж — „сабля"; так назывался доход, получаемый с ленного надела тимара или зеамета. См.: M. Beli n. Du régime des fiefs militaires.. Journ. Asiatique, 1708, t. XV, p. 242.

[2] Чавуш
[3] Мутеферрик } офицерские чины придворной охраны.

[4] Немые (لسن); так назывались придворные пажи, сторожившие дверь султанского кабинета во время его беседы с верховным везиром или муфти, потому что объяснялись между собой и получали указания от султана не словами, а жестами (В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 84, прим. 2).

[5] Селяники, л. 238а—238б.

[6] Берат — жалованная грамота, выдаваемая султаном на получение ленного надела. См.: J. Hammer, op. cit., Bd. II, S. 275.

[7] Селяники, л. 241б.

основной задачей. В данном случае для нас имеет существенное значение тот факт, что в совокупности с начавшимся проникновением торгово-ростовщического капитала в феодальное землевладение в Турции, в совокупности с все усиливающимся финансово-экономическим расстройством страны, эти новые социальные элементы, проникающие постепенно в государственный аппарат, имели также свое влияние на дальнейшую судьбу Османской империи.

В самом деле, все государственные посты от незначительного письмоводителя до великого везира все чаще и чаще стали замещаться через посредство взяток, интриг и тому подобных приемов выходцами из придворной челяди, выходцами из нефеодальных слоев, не заслуживших этого права в глазах турецких феодалов ни боевыми подвигами, ни своим происхождением. Свое пребывание на том или ином государственном посту эти люди рассматривали как возможность, не стесняясь, обогащать свою личную казну всеми дозволенными и недозволенными средствами.[1] Получая тем или иным путем ленный надел, они не выполняли связанных с ним военных обязанностей, а превращая его в полную собственность, расходовали доходы с него на удовлетворение своих личных потребностей. Ничем не связанные с турецким феодальным сословием, придворные чиновники и вельможи, а также чиновники и управители, посылаемые из Порты в провинции, не прилагали никаких усилий и забот к тому, чтобы укрепить государство и военно-феодальную систему его, а наоборот, всеми своими действиями они объективно способствовали разложению всех прежних устоев Османского государства.

В глазах турецкого феодала султанская власть олицетворяется отныне в „чужаках", выступающих в качестве или придворных государственных сановников или провинциальных чиновников и управителей, но и в том и в другом случаях в одинаковой мере жестоко попирающих древние и священные для каждого потомственного феодала права и привилегии его. И, естественно, что для турецкого феодала единственными виновниками всех бедствий явились эти „чужаки" и султанское правительство, допустившее их к управлению государством. Теперь и феодалы не считают себя обязанными подчиняться всем указам султанского правительства и выполнять

[1] Так, Селяники сообщает, что после смерти великого везира Синана паши в 1004 (1595/6) г. в государственную казну было конфисковано лично принадлежавшее ему имущество, которое состояло из несметных сокровищ, накопленных им за время везирства, в виде 600 000 золотых и серебряных монет наличными, 29 вьюков всевозможных украшенных драгоценными камнями сабель, кинжалов, палиц и т. п., а также разного рода драгоценностей и редких камней, множества различной редкой утвари, одежды, материи и т. п. (Селяники, л. 264а).

свои прежние обязанности: „И когда является необходимость выступить в поход против неверных, владельцы зеаметов и тимаров, предаваясь личным удовольствиям, не идут на войну, а откупаются кто установленной взамен платой, а кто взятками".[1] В результате этого, сообщает Кучибей: „во время предпринимаемых теперь походов, всех солдат от владельцев поместьями в Румелии, Анатолии и других провинциях наберется только 7—8000 человек".[2] Таким образом, значение феодального, некогда двухсоттысячного войска, служившего опорой всех побед государства, постепенно начинает падать.

Разумеется, что коренные турецкие феодалы не могли спокойно мириться с вытеснением их из сферы государственной деятельности, с узурпацией их прав и привилегий, и это приводит к тому, что они становятся в оппозицию к султанскому правительству.

К этому оппозиционному лагерю примкнули прежде всего мелкие и средние слои феодалов, которые не имели экономических и политических сил для того, чтобы постоять за себя, а потому прежде других подвергались вытеснению из их родовых владений.

Крупные феодалы, экономически более сильные, являлись в тот момент в Турции союзниками и опорой султанского правительства. Занимая различные государственные посты и опираясь на свои политические права, они сами нередко вытесняли мелких феодалов из их владений, сосредоточивая в своих руках несметные богатства. Кучибей пишет, что „Между ними есть люди, имеющие по 20—30 и даже по 40—50 больших и малых поместий, плоды которых они пожирают".[3]

В связи с тем, что феодальная армия чрезвычайно сократилась, султанское правительство, не находя теперь в ней опоры, до невиданных ранее размеров увеличивает численность регулярного, состоящего на жаловании, войска. Необходимость этого мероприятия вызывалась главным образом тем, что Османская империя вела в это время две войны: на востоке — с Ираном (продолжавшуюся почти непрерывно с 1578 по 1639 г.) и на западе — с Австрией (с 1593 по 1606 г.).

Государственные доходы, поглощаемые и ранее без остатка содержанием султанского двора и его слуг, теперь в связи с военными походами оказались совершенно недостаточными. Государственная казна была начисто опустошена. Жалование войскам задерживалось по нескольку месяцев. Желая как-нибудь

---

[1] Селяники, л. 238а.

[2] ١٢ ص ,رسالهٔ قوچی بك (В. Д. Смирнов, Кучибей, стр. 127).

[3] ١٦ ص ,رسالهٔ قوچی بك. — В. Д. Смирнов, ук. соч...., стр. 124.

выйти из затруднительного положения, султанское правительство начинает выпускать монеты неполноценной пробы. Так, окка серебра, которая по нормальному курсу равна 500 акче, в 1584 г. поднялась до 1000 акче и выше; драхма серебра вместо 2 акче поднялась до 10 и 12 акче.[1]

Цены на продукты питания и одежду чрезвычайно возросли.[2] При выдаче жалования янычары и сипахи отказываются брать порченные деньги, так как на них ничего нельзя купить. Турецкие историки сообщают нам о постоянных восстаниях войсковых частей, то отказывающихся итти на фронт, пока не будет выдано жалование,[3] то не желающих получать деньги неполноценной пробы,[4] то требующих увольнения того или иного придворного чиновника, а иногда даже великого везира и муфтия.[5] Попытки султанов задабривать войска выдачей им весьма значительных денежных премий, так называемых бакшишей, придавали еще большую смелость их выступлениям, с одной стороны, а с другой — окончательно подрывали и без того немощную государственную казну.

Одним словом, к концу XVI в. и регулярная армия Османского государства была не очень надежным учреждением для поддержания порядка внутри страны. Больше того, нередко она являлась участником и даже инициатором возникавших в стране волнений.[6]

Финансовое и экономическое расстройство государства сильнее всего, конечно, сказывается на непосредственном производителе и приводит к полнейшему обнищанию и разорению сельское население Османской империи, которое, по словам современников, было окончательно попрано.[7] Непрерывно увеличивающиеся расходы государственной казны принуждают правительство из года в год увеличивать количество налогов, которые почти целиком поглощали скудные результаты тяжелого труда крестьянина, являвшегося основным источником государственного дохода.

Кучибей говорит, что „до 990 (1582) года с бедной райи взималось по 40—50 акче с каждой головы подушной подати (джизье); да 40 акче произвольного налога (хане аваризи), да с каждых двух баранов по одному акче овечьего налога;

---

[1] M. Belin. Essais sur l'histoire... Journ. Asiatique, 1864, t. IV, p. 284.
[2] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 166.
[3] Селяники, л. 137а, — Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 271.
[4] Селяники, л. 311а, 334а.
[5] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 188.
[6] Селяники, л. 152а, 336б.
[7] پایمال اولمق — дословно значит: быть растоптанным в ногах (Селяники, л. 340б. — Карачелебизаде, ук. соч., стр. 458).

свыше же этого ничего не брали. Только комиссары[1] брали (в свою пользу) с джизьйе и авариза по два, по три, самое большее по пяти акче так называемого гулямийе; больше этого никто не смел брать".[2]

Но уже под 1006 (1597/8) г. Селяники дает следующую картину: „В провинциях государства чрезвычайные налоги довели подданный народ до того, что ему опротивел этот мир и все, что находится в нем. А сипахи государства свыше 20 лет заняты войной с врагами религии и сколько лет уже восточные провинции переносят тяготы войны... Управители и судьи стали назойливы к подданным страны, непрерывно один за другим следуют повторяющие одно и то же срочные султанские указы, где говорится: «пусть будут взяты авариз, нюзуль и кöрекчи[3] или их замены». Чужаки (ходят) из дома в дом и берут с бедняков и неимущих по 300 акча и опять (эти доходы) не поступают целиком в государственную казну, а (часть их) застревает между судьями, наибами и чавушами. А на подданных, платящих харадж, уже сколько лет, как под названием «бедели хамр»[4] и «надбавки к новой подушной подати» и «надбавки по случаю воцарения», налагается всего по 300 акче".[5] Для покрытия огромных дефицитов государ-

---

[1] Так несколько модернизированно перевел В. Д. Смирнов слово مباشر. Вообще мюбашарами назывались те выборные из шести полков, которым поручали сбор налогов. Самое же поручение называлось مباشرت или خدمت. См.: В. Д. Смирнов. Кучибей..., стр. 140—141.

[2] Во второй половине XVI в. в Турции был введен обычай поручать янычарам и сипахиям сбор государственных налогов. Кучибей пишет по этому поводу: „Челядь шести полков вот уже несколько лет, как взяла себе на комиссию сбор падишаховых денег; насильственно собрала у правительственных поверенных все реестры; публично устраивает в святилище мечети султана Мехмеда аукционы, на которых продает их кому ни попало за 1—1½ груша под именем гулямийе". (В. Д. Смирнов. Кучибей... стр. 141). (Турецкий текст „Рисале", стр. 17.)

[3] Нюзуль (نزل), авариз — налоги для обслуживания необходимыми средствами и продуктами армии, расположенной в той или иной провинции; кюрекчи (كوركچى) — также один из произвольных налогов, предназначался для военных галер (см.: А. Вефик, ук. соч., стр. 98—99).

[4] بدل خمر — судя по названию, налог на вино.

[5] اطراف و اكناف ممالكده تكاليف شاقهٔ عرفيه عامهٔ رعايای دنيا و مافيههادن بيزار ايلدی سپاه مملكت ايسه يكرمی ييلدن متجاوز در كه اعداء دين اوزره آسوده اولميوب سفر و حركت ايتمكده در نيچه ييلر ولايت شرق سفری زحمتن چكوب ... ولايت و حكام رعايای مملكته مسلط اولوب عوارض و نزل و كوركچی و ياخود بدللری النه ديو احكام پادشاهی على التعاقب و التوالی متجدد الامثال اوزرلرينه استعجال امرلری وارمقدهدر حاللری يادلو خانهدن خانهيه فقرا و ضعفادن اوحر

ственного бюджета султанское правительство выжимало последние соки из крестьянства посредством многочисленных чрезвычайных налогов, от которых, как видно, более всего и страдало сельское население. Однако всевозможные чиновники и сборщики податей в свою очередь не упускали случая поживиться на счет крестьянина. „Бейлербеи и беи, являющиеся управителями провинции, по три раза в месяц совершают нашествия на подданных государства и (всякий раз) взимают самое меньшее по 70—80 акче приветственных (селямлик); да еще раз в месяц субаши,[1] говоря: «Начало месяца, пойду-ка я помогу проверить мое счетоводство», — и с каждой деревни берут по 70—80 акче. — «А кроме того, мы все будем в эту ночь гостями в вашей деревне и потому (для нас) потребуются значительные издержки». — И для уплаты стоимости пищи, вина, кебаба и других продуктов взимается еще 70—80 акче. Сообразно с этими новыми ежемесячными безобразиями и судьи и дефтердары под видом авариза собирают с каждого дома по 500 акче, а гулямийе и налог за весы (кесери мизан) взимается особо. Подданные страны начисто разорены".[2]

О том, как вело себя в провинциях султанское войско, дает яркое представление следующий факт: „В конце месяца джумада второго (1000 г. хиджры — март 1592 г. — *А. Т.*) в столицу прибыла жалоба на некоторые злодеяния военной челяди в Эрзеруме: «янычарские отряды захватили у нас землю, поселились на ней и чинят препятствия нашим делам и заработкам. Не позволяя нам касаться до съестных припасов, поступающих извне, они сами насилием и несправедливостью, ничего не платя, забирают их в свои руки и продают нам

يوز آقچه النوب و ينه خزينهٔ عامره‌يه تمام تسليم اولمبوب قضات و نوات و چاوش مابينلرنده قالوب خراجكزار رعايايه دخى نيچه بيلر در كه بدل خمر و زيادهٔ جديد و زيادهٔ جلوس همايون ديو جميعاً اوچر يوز آقچه تحميل اولندى (Селяники, л. 325а—325б).

[1] Субаши (سوباشى) в деревнях исполняли обязанности полицейских.

[2] والئ مملكت اولان بكلربكيلر و بكلر آيده اوچ كره رعايای مملكته صالغون ايدوب هر قاريه‌دن سلامك فلاقل يتمش سكسان غروش النوب و بر دفعه دخى صوباشيلرى آى باشيحر محاسبه‌م كورمكه كيدرم معاونت ديو هر قريه‌دن يتمش سكسان غروش آلوب بوندن غيرى جمله‌مز بو كيجه قريه‌كزده مسافر اولوب بو دكلو خرج و حوايج صرف اولنسه كرك ايدى يمك و شراب و كباب بهاسى و سائر ايچون يتمش سكسان غروش دخى النوب ماه بماه بو بدع قبيحه اوزره قاضيلر و دفتردارلر عوارض نامنه بهر خانه‌يه بشر يوز آقچه جمع ايدوب غلاميه و كسر ميزان باشنه النوب رعايای مملكت پايمال اولمقده‌در (Селяники, л. 340б).

втридорога. Да и прочие военные люди — латники, пушкари и обозники поселились у нас по причине войны, завладели нашими семьями, и нет границ и пределов разного рода насилиям и притеснениям (от них)... Это явится причиной величайшего мятежа и беспорядка. Мы не можем больше терпеть. Убери их»".[1]

Понятно, что в этих условиях жесточайшего насилия и вымогательства настроения у крестьянства были самые беспокойные. Отдельные кратковременные вспышки восстаний среди „райи" в эти годы (последние десятилетия XVI в.) наблюдались довольно часто. Так, в 1000 (1591/2) г. произошло восстание в Диярбекире по причине предельной жестокости, проявленной бейлербеем Ибрагимом пашой при сборе недоимок.[2] Столкновения населения с войском имели место в Эрзеруме,[3] Тебризе.[4] В 1001 (1592/3) г. сообщается о беспорядках в Багдаде,[5] в 1004 (1595/6) г. — о восстании в Карамане[6] и т. д. и т. п. Словом, почва была вполне подготовлена, и стоило только появиться организующему началу, как все эти разобщенные вспышки недовольства вылились в огромное народное восстание.

Таким образом, можно кратко резюмировать, что общими предпосылками восстания Кара Языджи явились следующие.

1) Расстройство финансов и экономики Османского государства, происшедшее в результате начавшегося проникновения торгово-ростовщического капитала в сферу феодального землевладения и утраты вследствие этого султанским правительством значительной доли доходов со своих земель, перешедших в руки откупщиков.

2) Начавшийся со второй половины XVI в. кризис ленной системы в целом, вытеснение мелких и средних феодалов из их родовых владений крупными феодалами и представителями придворной бюрократии, что привело к снижению значения и мощи османского феодального ополчения, служившего ранее главной опорой могущества Османской империи. В этих условиях необходимость увеличения наемной армии только усиливала нужду султанского правительства в деньгах, которыми оно должно было выплачивать жалование солдатам. Обычно выплата жалования войскам была сопряжена с полнейшим опустошением государственной казны, а частая за-

---

[1] Селяники, л. 125б—126а. См. об этом же у Карачелебизаде (стр. 471).
[2] Селяники, л. 129а.
[3] Там же, л. 132б.
[4] Там же, л. 134а.
[5] Там же, л. 152б.
[6] Там же, л. 263б—264а.

держка этой выплаты постепенно привела к падению воинской дисциплины.

3) Экономические и финансовые затруднения государства всей своей тяжестью ложатся прежде всего на крестьянство Османской империи, которое в этот период буквально задавлено нескончаемыми и все возрастающими налоговыми повинностями. Разорение и обнищание крестьянства, чему, как мы видели, немало способствовали своими жестокостями и поборами местные власти и сборщики налогов, усугубляли в свою очередь затруднения государства, так как делали крестьянство неспособным к выполнению всех положенных налоговых обязательств.

4) Все указанные явления кризиса Османского государства осложнялись непрерывными войнами, которые оно вело в этот период с соседними странами. Начавшиеся централизация и укрепление европейских стран приводят к тому, что Турция начинает терпеть поражения в этих войнах. Производя огромные затраты, она уже не получает тех богатых военных добыч (ганимет), которые в былое время составляли значительную долю ее государственного дохода.

Все вышеизложенные социально-экономические предпосылки несомненно должны были породить политический кризис, который и нашел свое выражение в мощной волне народных восстаний, охвативших Османскую империю на рубеже XVI и XVII вв.

Любопытную характеристику состояния Османского государства в 1599 г. находим мы в донесениях некоего итальянского посланника Николо Мутио, который сообщал следующее:[1] „Что Турецкая империя находится в настоящее время в величайшей опасности полного упадка, в этом никто не станет сомневаться, если примет в соображение несовершенство ее армии, как вследствие незначительного числа солдат, так и вследствие непослушания их, а также недостаток денег, неспособность государя (Prencipe) и (наличие) внешних и внутренних войн. Воюет Турок (т. е. турецкий султан. — *А. Т.*) с (его) величеством императором[2] вот уже много лет неудачно, не дают ему покоя грузины и казаки, со дня на день собирается выступить против него Перс, восстал Хюсейн,[3] паша Карамана, привлекающий на свою сторону большое количество солдат. Это восстание, если венгерская война продолжится, грозит стать, как мы надеемся, полной гибелью

[1] Считаем своим приятным долгом выразить благодарность П. В. Ернштедт, любезно оказавшему нам помощь, в переводе названных итальянских документов.

[2] Видимо, имеется в виду австрийский император Рудольф II.

[3] Хюсейн паша — сподвижник Кара Языджи, о нем речь впереди.

Турка..."[1] Судя по донесениям итальянцев, можно сделать вывод, что европейцы очень внимательно следили за внутренним состоянием Турции. Начало ослабления ее радовало всех соседей, которым она угрожала в годы своего величия. Поэтому все итальянские донесения заканчиваются примерно одинаковой и весьма характерной формулой, вроде: „Давайте все молить божье величие, положившее начало упадку этого Оттоманского дома, о том, чтобы оно продолжало даровать добрый успех христианским государям для возвышения святой католической церкви".[2]

Итак, недовольство султанской властью, охватившее народные массы Османского государства, из края в край вылилось в мощное восстание под руководством Кара Языджи. Волнения повсеместно продолжались в виде многочисленных вспышек на протяжении всей первой четверти XVII столетия. В какую конкретно форму вылилось восстание Кара Языджи и какова была его сущность, мы рассмотрим в следующей главе.

---

[1] Хурмузаки, ук. соч., т. III, ч. II, стр. 527.
[2] Там же, стр. 534.

Глава IV

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ И ХОД ВОССТАНИЯ. ХАРАКТЕРИСТИКА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ И ИХ ТРЕБОВАНИЙ. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВНУТРИ ЛАГЕРЯ ПОВСТАНЦЕВ

В конце октября 1596 г. на австрийском фронте при Керезтеше произошла кровопролитная битва между австро-венгерскими и османскими войсками, закончившаяся победой последних. Однако во время этой битвы в турецкой армии были замечены массовые случаи дезертирства. На другой день после боя по предложению вновь назначенного великого везира Джигализаде был издан султанский указ о произведении всеобщего смотра всем регулярным и феодальным войскам и о примерном наказании беглецов. Смотр продолжался три дня и, как указывают турецкие источники,[1] в итоге его „несколько несчастных" были казнены здесь же в присутствии великого везира; владельцы тимаров и зеаметов, не оказавшиеся на месте, были исключены из реестров. Всего около тридцати тысяч человек были лишены дирликов. Был издан также ферман о конфискации у каждого исключенного из реестра всего движимого и недвижимого имущества, а также о том, что всякий дезертир, где бы он ни находился, подлежит немедленной казни. „Таким образом, — заявляет Печеви, — каждый находил предлог для мести своему врагу, и многие пострадали безвинно".[2] Селяники говорит, что „у 30 человек славных и знатных владельцев крупных дирликов были опечатаны дома, находящиеся в Стамбуле, и семьи их вынуждены были скитаться по чужим домам".[3] Исключенные из войск покинули фронт и отправились на родину — в анатолийские провинции. Там они встретились с теми, кто ранее бежал с поля битвы, и с теми ленниками,

[1] Селяники, л. 294а. — Печеви, ук. соч., т. II, стр. 205. — Карачелебизаде, ук. соч., стр. 483. — Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 94.

[2] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 205.

[3] Селяники, л. 294а—294б.

которые вообще не явились для участия в этом походе. Под общей кличкой „фирари“ (т. е. беглецы), лишенные всяких званий, доходов и вообще средств к существованию, они явились ядром, вокруг которого сгруппировались все недовольные султанским правительством элементы в Анатолии.[1] Руководителем их выдвинулся некий командир роты секбанов[2] Абдалхалим, получивший широкую известность под кличкой „Кара Языджи“ (Черный писарь).

Биографические данные о самом Кара Языджи довольно скудны. Так, напр., Селяники ограничивается сообщением: „Некий Кара Языджи бродил по стране со сборищем секбанов и стрелков“.[3] Карачелебизаде,[4] Атайи,[5] Кятиб Челеби[6] называют его командиром роты секбанов, а последний добавляет, что Кара Языджи служил секбаном и субаши[7] при бейлербеях. Печеви не упоминает о принадлежности Кара Языджи к секбанам, а говорит, что он был каймакамом (заместителем) мирливы в одном из санджаков Сиваса.[8] Армянский историк-летописец Аракел Тавризский сообщает, что Кара Языджи, выходец из Каппадокии, жил некоторое время у одного муллы в Урфе, затем пошел в стрелки и уже в качестве военного поступил на службу к различным феодалам.[9] Некоторые современные турецкие историки утверждают, что Кара Языджи в качестве командира роты секбанов лично принимал участие в австрийском походе и на ряду со многими был исключен из войска во время ревизии, что и послужило поводом для его возмущения.[10] И, наконец, современный же турецкий историк Хюсамэддин пишет, что Кара Языджи является сыном одного из высокопоставленных лиц племени Кылыджлы, жившего в Урфе.[11]

На основании сопоставления приведенных выше сведений можно считать наиболее достоверными следующие факты:

---

1 Часто это восстание называют „Восстанием фирари“. См., напр.: Abdullah Zeki. Essai sur les causes..., p. 58. — J. Hammer. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. IV, S. 304.

2 Секбаны — ловчие. Так назывался один из янычарских корпусов, в обязанности которого входил присмотр за султанской псарней.

3 Селяники, л. 368а.

4 Карачелебизаде, ук. соч., стр. 487.

5 Атайи, ук. соч., стр. 477.

6 Кятиб Челеби, ук. соч., т. II, стр. 127.

7 Субаши при бейлербеях выполняли роль чиновников особых поручений.

8 Печеви, ук. соч., т. II, стр. 252.

9 M Brosset. Collection..., t. I, p. 577.

10 См., напр.: محمد مراد. تاريخ ابو الفاروق ج ح ص ٢٦٦ حامد و محسن
تورکیه تاریخی ص ۱۴۳

11 Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 343.

Кара Языджи происходил из центральных районов Анатолии и, вернее всего, из города Урфы. Далее, Кара Языджи имел чин командира роты секбанов, следовательно, был человеком военным, и это не противоречит тому, что ранее он мог находиться в должностях секбана и субаши при бейлербеях, как сообщает Кятиб Челеби. А занимаемые им должности являются в свою очередь показателями того, что Кара Языджи в момент восстания не принадлежал к среде „низкого" податного сословия — „райя".

Был ли Кара Языджи в числе исключенных из войска во время ревизии 1596 г.? В источниках нет указаний на то, что он принимал участие в походе против Австрии. Но, как мы видели, исключение из реестра могло быть произведено вне зависимости от того, присутствовало данное лицо на фронте или нет. Значительную часть исключенных составляли именно феодалы, не явившиеся для участия в этом походе. Поэтому вполне заслуживает доверия рассказ Печеви: „Кара Языджи был каймакамом мирливы в одном из санджаков Сиваса. Мирлива с войском находился в походе. Неожиданно его (Кара Языджи) санджак был отдан другому, и когда прибыл заместитель (ملازم) нового начальника, Кара Языджи приказал не подчиняться ему. А когда стало известно, что (новый) мирлива прибудет с довольно большим количеством людей, Кара Языджи также собрал народ и убил прибывшего мирливу. Затем, когда объявилась возможность выступления против него значительного количества войска, он приказал поднять знамя восстания, возбудил и объединил всех мятежников и солдат, находившихся в тех краях".[1]

Итак, мы видим, что непосредственным поводом для возмущения Кара Языджи явилось нежелание подчиниться указу султанского двора, так как этим указом он лишался поста каймакама и соответствующих данному званию владений в одном из санджаков Сиваса.

Для организации восстания не требовалось много времени и особых усилий. Репрессированные феодалы и солдаты, доведенные до последней степени отчаяния крестьяне сразу откликнулись на призыв Кара Языджи не подчиняться больше султанскому правительству, и восстание с первых же дней приняло значительные размеры.

Имеется указание, что Кара Языджи начал проявлять неповиновение правительству уже в 1596 г.,[2] однако в полной мере его деятельность как руководителя восстания стала известна только в начале 1599 г.

---

[1] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 252.
[2] M. Brosset. Collection..., t. I, p. 577.

Вот как Кятиб Челеби описывает возникновение этого восстания: „Ранее, в эпоху покойного султана Мехмеда хана (III), когда затрачивались огромные усилия на ликвидацию раздоров и мятежей, направленных против Ислама (т. е. Османского государства. — *А. Т.*) врагами из Валахии и Венгрии, и когда эти усилия из-за небрежности сановных лиц не имели желаемых результатов, то по причине продолжавшихся непрерывно в течение 15 лет сражений, (а также) по причине усиления смут и мятежей (в Румелии), армия ислама постоянно находилась вне родины. Поэтому в Анатолии презренные райя, найдя страну без присмотра, встали на путь грабежа и разбоя. Когда каждый голодранец приобретал таким способом лошадь и штаны, а во главе каждой банды оказывался руководитель, они, приладив (сбоку) клинки и оружие, отдельными отрядами, пешие и конные, рассыпались по Анатолии, производили грабежи и разрушения и наносили оскорбления уважаемым людям. Одним из вожаков этих вставших на неверный путь разбойников был некий несчастный по имени Абдалхалим, приобревший известность под кличкой Кара Языджи, который, исполняя обязанности секбана и субаши при бейлербеях, обнаружил, что страна по указанным причинам свободна (от надзора). Тотчас же негодные райя сделались его солдатами, а он добился власти и командования над ними, так что в результате их неблагоразумных мер в короткий срок люди, занимавшие государственные должности, оказались смещенными, а посты захвачены ими".[1]

Упоминает о восстании Кара Языджи и Кучибей, который пишет: „Так некогда, а именно в 1004 (1595/6) году, в анатолийских провинциях появились негодяи-мятежники. Деревни и села, находящиеся в вилайетах Анатолии, Карамана, Сиваса, Мараша, Алеппо, Дамаска, Урфы, Диярбекира, Эрзерума, Вана и Мосула, были разграблены и разорены; некоторые области были опустошены и разгромлены. Даже древняя столица, богоспасаемая Бруса, и та была разгромлена и несколько кварталов ее выжжены. А так как племена арабов и туркмен тоже вышли из повиновения и их насилия и нападения на бедных райя перешли всякие границы, то вследствие этого несколько деревень также были разрушены".[2]

---

[1] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 289.

[2] و مقدما اناطولی ولایتلرنده جلالی اشقیاسی بیك دورت تاریخنده ظهور ایدوب آناطولی و قرمان و سواس و مرعش و حلب و شام و اورفه و دیاربکر و ارضروم و وان و موصل ایالتلرنده اولان قرا و قصباتی غارت و یغما ایدوب نیجه مملکتلر خراب و یباب اولدی بلکه پای تخت قدیم اولان محروسهٔ بروسه دخی یغمالنوب نیجه محلاتی احراق بالنار

Одновременно с известием о восстании Кара Языджи ко двору прибыло донесение о возбуждении Хюсейна паши, бывшего бейлербея Абиссинии, назначенного в конце 1007 г. хиджры (начало 1599 г. н. э.) в Караман для усмирения возникших там беспорядков. Попытка караманского заместителя бейлербея (мютеселлима) Мехмеда Чавуша подавить восстание Хюсейна паши своими силами окончилась неудачей. Его войско после двухчасового сражения вблизи Аксарая с повстанцами Хюсейна паши было разбито, и он бежал в Конию.[1]

Хюсамэддин в названной работе по истории Амасьи довольно подробно описывает возникновение восстания Хюсейна паши:

„Хюсейн паша сын амасийского Будак бея. Будучи удален с поста бейлербея Абиссинии, он в шаввале 1005 (мае 1597) года, в связи с усилением волнений в амасийском санджаке, который имел большое значение (для султаната), был назначен мутасаррифом[2] амасийского санджака и мюфеттишем[3] Анатолии. Назначив мютеселлимом Амасьи Зюльфакара ага, он отправился обследовать (Анатолию)".[4]

„Мюфеттиш Анатолии Хюсейн паша сам происходил из турок. Он прекрасно знал страдания турок и причины их восстания и решил обуздать способствовавших расширению повсеместных смут и волнений нетурецких начальников сипахиев и янычарских старшин, а также опиравшуюся на них и чинившую насилия над населением знать.

„Обласкав руководителей мятежников и назначив (их) мирливами по санджакам, он приказал раздать им дирлики, разрушаемые ушедшими на отдых начальниками. Кроме того, он старался порадовать руководителей восстания, приблизив их к средствам, приносящим материальные выгоды.

„Из числа их всех он (Хюсейн паша) приказал дать пост мирливы Шаркы Карахисара проживавшему в Амасьи и возмутившемуся затем Ярамаз Ахмеду ага рядом из Кёпрю и пост мирливы Эрзинджана амасийскому Дели Мустафе ага. А при-

---

اولندی عربان وترکمان طائفه‌سی دخی اطاعت چیقوب رعایا فقراسنه ظلم و تعدی بی حددن افزون ایتمکله اول جهتدن دخی نیجه کویلر خراب اولدی. رسالهٔ قوچی بك، ص ۱۷—۱۸

(у В. Д. Смирнова, см. стр. 145).

[1] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 128.

[2] Мутасаррриф (متصرق) по позднейшей терминологии в Турции то же, что и санджакбей.

[3] Мюфеттиш (مفتش) — чиновник, посылаемый из Порты для расследования какого-либо происшествия и для усмирения беспорядков.

[4] Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 343.

казав распределить дирлики среди лиц, стоящих во главе движения, он (тем самым) подавил и самое восстание".[1]

„Безумие сивасского бейлербея Эрмени Махмуда паши принесло много страданий населению Сиваса и его окрестностей. Хюсейн паша хотел подавить начавшее разгораться восстание, предложив отставку Махмуда паши и обуздание его людей. Однако стоявшие за Махмудом пашой старшины сипахиев и янычар и опиравшаяся на них знать городов и селений[2] настрочили множество жалоб о том, что Хюсейн паша чинит насилия, и подняли крик (по этому поводу). В Порте не знавшие подоплеки этого дела поверили жалобам. В шаввале 1007 (мае 1599) года Хюсейн паша был отстранен от должности мюфеттиша, лишен владений и совместно с Зюльфакаром ага заключен в Амасийскую крепость".[3]

„Сивасский бейлербей Дели Махмуд паша после смещения и заключения в тюрьму Хюсейна паши стал еще более невыносимым. Но беспорядки и волнения разгорались всюду... Как раз в этот момент находившиеся в заключении в крепости Амасьи Хюсейн паша и Зюльфакар ага, то ли по умышленной небрежности амасийского бея — Ибрагима, то ли по данной им инструкции, нашли выход и, связав коменданта крепости Ибрагима агу и охрану, бежали в месяце зильхидже 1007 (июне 1599) года и присоединились к мятежникам".[4]

Приведенные выше сведения, взятые нами, так сказать, из вторых рук, так как работа Хюсамэддина не является первоисточником, заслуживают доверия, во-первых, потому, что, как мы указывали, автор являлся большим знатоком архивных материалов, а, во-вторых, в значительной части они подтверждаются источниками, которые, видимо, не были известны Хюсамэддину. Так, у итальянца Николы Мутио мы находим следующее донесение, которое дополняет рядом интересных фактов описание Хюсамеддина:

„Этот Хюсейн, рождённый одной султаншей, являвшийся родственником Синана паши,[5] занявшего Джавирино (Giavirino [?]), возвысился в серале[6] и прошел ступени военной карьеры под начальством упомянутого Синана, вместе с которым он участвовал в военных действиях в Персии и Венгрии, в конце концов, он был назначен пашой и послан

---

[1] Там же, стр. 344—345.

[2] Касаба (قصبة или قصابا) — селение, большое село, где имеется рынок.

[3] Там же, стр. 345.

[4] Там же, стр. 346.

[5] Синан паша пять раз занимал пост великого везира при султанах Мюраде III и Мехмеде III, умер в 1596 г.

[6] Сераль, искаженное „сарай", — дворец.

управлять Караманией... Этот человек, отличавшийся большим весом и умом, не в состоянии выносить трусость своего государя и, будучи осведомленным о недостатках империи, задумал восстать вместе с провинцией. Созвав у себя солдат, он убедил их в том, что недостойно повиноваться столь трусливому человеку, и показал им как легко его прогнать из Азии. Он обещал величайшие награды тем, кто за ним последует, и проявил исключительную щедрость. Создав таким путем значительный отряд воинов, среди которых 3000 ловких стрелков и 5000 всадников, наиболее верных из его личной охраны, он начал поход. Когда весть об этом движении дошла до Порты, она привела в большое замешательство султана, который поэтому решил обратиться с просьбой о мире к императору [Рудольфу], как он на деле и поступил, и послал приказание четырем [управителям] санджаков в Азии, чтобы они немедленно выступили для подавления упомянутого мятежа, но Хюсейн, узнав, что эти санджаки идут против него с 10 000 солдат, со [своими] всадниками и пехотинцами рьяно выступил им навстречу и, столкнувшись с ними в рукопашной схватке, смял их, искрошил большое число народа, отнял у них весь обоз и 6 пушек. После этого он разослал много отрядов своих войск, считавшихся цветом всего войска Азии и которых он не желал возвращать на войну в Венгрии, [по провинциям] и они занимались там грабежом. Поэтому все солдаты, которые следуют за ним, успели уже обогатиться. В особенности он отнимает все имущество евреев, каковую народность он ненавидит в крайней степени".[1]

Некоторые разногласия, имеющиеся в приведенных данных по вопросу о происхождении Хюсейна паши, не имеют существенного значения. Вывод можно сделать один: Хюсейн паша не только носил высокое звание паши, но и был „знатного" происхождения.

Далее интересно отметить также, что агитация за участие в восстании под руководством Хюсейна паши подкреплялась материальными средствами в виде щедрых подарков и обещаний больших наград. Совершенно понятно, что у него, крупного феодала, не могло быть общих интересов с принявшими участие в восстании солдатами и крестьянами. Чем, как не подарками и посулами мог он привлечь их на свою сторону?

Как только сведения о возмущении Хюсейна паши были получены султанским правительством, тотчас (август 1599 г.) был дан указ сыну бывшего великого везира Синана, Мехмеду паше, взять необходимое количество войска и высту-

[1] Хурмузаки, ук. соч., т. III, ч. II, стр. 527.

пить во главе его против Хюсейна паши, „уничтожить зло и мятеж и стереть с лица земли самих мятежников".[1]

В конце августа 1599 г. Мехмед паша выступил с тысячью вновь завербованных янычар из Скутари, имея предписание подавить мятеж и отправиться на зимовку в Диярбекир для охраны порядка в его районе.[2] Однако Хюсейн паша на этот раз уклонился от боя и преследуемый Мехмедом пашой направился в окрестности Урфы, где находился в это время со своим войском Кара Языджи, к которому он и присоединился.[3]

Таким образом, мы видим, что социальная база восстания Кара Языджи носила весьма разнородный характер: крестьяне, кочевники, мелкие феодалы, беглецы с фронта и даже крупный феодал выступают в числе участников этого восстания. Однако, бесспорно, основную массу составляли крестьяне, поднявшиеся против налогов, против феодальной эксплоатации, против притеснений султанских чиновников. Именно крестьян имеет в виду в приведенной цитате Кятиб Челеби, когда говорит, что восстали „презренные райя" (ارازل رعايا), „голодранцы" (صعلوك), не имеющие ни штанов, ни лошадей, ни клинков. Это подтверждают все турецкие летописцы, которые, как правило, называют основную массу участников восстания общим именем „эшкия" (اشقيا, т. е. разбойники, смутьяны, мятежники)[4] или „эвбаш и каллаш" (اوباش و قالاش — бродяги и пьяницы),[5] показывая тем самым, что эта масса представляла собой „низшие" слои населения Турции. Кятиб Челеби, а вслед за ним Гаммер и современные турецкие историки сообщают, что восстание Кара Языджи было широко поддержано курдскими и туркменскими племенами, т. е. основным населением восточных провинций Анатолии.[6]

Стремление султанского правительства прибрать к рукам кочевников, знавших ранее своих начальников только в лице местных родовых беев, встретило резкое сопротивление со стороны племен. Так, напр., Селяники сообщает под 7-м месяцем 1004 (март 1596) г., что, когда в связи с военным походом „сановными и знатными лицами султана были посланы люди заготовлять убойный скот из анатолийского, караманского и других вилайетов для военного ведомства, некий без-

---

[1] Селяники, л. 367а.
[2] Там же, л. 368а.
[3] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 128.
[4] Печеви, ук соч., т. II. стр. 252. — Селяники, л. 379а. — Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 127.
[5] Селяники, л. 367з, л. 373а.
[6] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 127. — J. Hammer, op. cit., Bd. IV, S. 267. — حامد و محسن, стр. 142.

божник низкого происхождения из племени, называемого давиды (داودلر) из Дерегуда (دره غود) в Карамане, заявил, что он происходит из рода последнего отпрыска династии Сельджуков Алаэддина, которые уже 300 лет как являются забытыми. Собрав вокруг себя пьяниц и бродяг, он заявил: «Династия Османов встала на путь насилия и вражды, а я требую справедливости», — отобрал заготовленный ими для военного похода скот и даже готовился захватить государственную казну, направлявшуюся из Египта в Стамбул".[1]

Как мы уже видели, поводов для возмущения крестьянства имелось бесчисленное множество. Стихийные и разрозненные вспышки крестьянских волнений происходили повсеместно. Хюсамэддин сообщает: „Руководителями восстаний были следующие: в Урфе — Абдалхалим и брат его Дели Хасан; в Амасии — Зюльфакар, в Малатьи — Каракаш Ахмед, в Анкаре — Календер оглу Мехмед и Кявур Мурад, в Теке — Мехмед, в Токате — Агаджан Пери; в Сивасе — Кара Саид и Хюсейн оглу Исхак; в Адане — Сюндек (سوندك); в Багдаде — Узун Халиль и Калындудак Махмуд; в Кёпрю — Сары Шабан. У каждого из них под началом имелось по 3—5 тысяч мятежников. Общие силы их составляли свыше 70 тысяч человек. Главнокомандующим был Абдалхалим из Урфы".[2]

Вокруг Кара Языджи сгруппировались и солдаты — беглецы с австрийского фронта. Мелкопоместные феодалы, недовольные политикой султаната, также примкнули к движению.[3]

Бейлербей Хюсейн паша, посланный усмирять волнения в Анатолии и „честно" принявшийся выполнять порученное ему дело путем обуздания местных управителей и путем подкупа руководителей восстания, сам, в результате проявленных к нему несправедливых обвинений и репрессий, примкнул к лагерю повстанцев.

Мы видим, что в среде турецких феодалов происходит в этот период дифференциация на два лагеря. Выделяется лагерь крупных феодалов, сторонников власти османских султанов, сторонников развития придворной бюрократии, смыкающихся с торгово-ростовщическими элементами, широко практикующих взяточничество, подкуп и т. п., наживающих разными темными путями несметные богатства. Располагая огромными финансовыми возможностями, крупные феодалы в союзе с откупщиками и ростовщиками фактически дер-

[1] Селяники, л. 263б—264а.

[2] Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 345—347.

[3] Хюсамэддин сообщает, что поддерживали восстание и помогали Кара Языджи следующие лица: амасийский бей — Ибрагим, чорумский бей — Мюрад, сивасский бейлербей — Черкес Махмуд паша и др. (Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 347, 348, 349).

жат в руках государственную власть и султанское правительство, чрезвычайно стесненное в средствах, которое целиком зависит от них. Пользуясь своим влиянием при дворе, крупные феодалы, бейлербеи, санджакбеи и прочие представители богатства и власти постепенно вытесняют мелких и средних феодалов из их родовых владений, которые переходят, как мы видели, в руки султанских фаворитов, представителей придворной бюрократии, откупщиков и прочих „недостойных".

Султанское правительство опирается теперь главным образом на этот лагерь феодальной верхушки, а также на доведенную до огромных размеров наемную армию; этим двум силам правительство потворствует во всех их желаниях и требованиях.

Огромные массы мелких и средних феодалов, лишенные ленных владений и не находящие более при дворе постоянной защиты своих прав, составляли второй лагерь. Выражая настроения этих слоев, Кучибей писал: „... важная причина возникновения и распространения по лицу земли мятежей и волнений, зол и смятений, а также усиления и преуспеяния злодеев заключается в том, что у владельцев больших и малых поместий, которые и составляли настоящую рать за веру и государство, теперь отнято содержание и от них ни следа, ни имени не осталось".[1] Таким образом, среднему и мелкому феодальному сословию угрожали полное разорение и обнищание. Участие их в восстании и нужно рассматривать как борьбу за сохранение их ленных владений и основанных на этих владениях прав и привилегий. Примеры подобного рода феодальных распрей можно найти и в истории других государств. Известна, напр., борьба в Германии разорявшегося низшего дворянства, рыцарства, стремившегося сохранить свою независимость и потому постоянно враждовавшего с князьями.[2]

---

[1] В. Д. Смирнов. Кучибей.., стр. 121. Тимары и зеаметы составляли основную категорию ленных владений мелких и средних феодалов Османской империи, и потому переводить их как „большие и малые поместья" не совсем правильно. Большими феодами были „хассы" султанских сановников. Поэтому термины „тимар" и „зеамет" лучше не переводить на русский язык и тем самым не искажать их смысла. Ср. это место в подлиннике وجه ارضده فتنه و فساد و شر و شورك شيوع و انتشارينه ، اشقيا اشرارك غلبه و اشتهارينه بر باعث عظيم بو در كه ارباب زعامت و تيمار كه عند التحقيق عسكر دين انلر ايدى حالا انلرك درلكلرى قطع اولنوب وكندولرى بى نام و نشان اولوب فتنه و فساد عالمى طوتدى قوچى بك رساله‌سى ص ۱۲

[2] Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII, стр. 119—120.

Известно также, что и в России в годы „смуты" низшее дворянство восставало против знати.[1]

Тимариоты и займы выступали против „предавшегося чужакам" султанского правительства, против государственных сановников, против откупщиков. На этом основании некоторые турецкие историки делают вывод, что восстание Кара Языджи имело своей целью отделение анатолийских провинций от влияния стамбульского султанства и создание самостоятельного государства.

Так, напр., Ахмед Рефик пишет: „Целью руководивших мятежом в Анатолии был не грабеж. (Они стремились) «окончательно отделить руку Османов от той территории». Значительная часть анатолийского народа хотела освободиться от власти османов".[2] И далее, для подтверждения этого положения он приводит выдержки из письма Календера оглу руководителю восстанием в Ичэли Муслу Чавушу. Ахмед Рефик не указывает источника, из которого он взял письмо Календера, однако не трудно было установить, что источником и в данном случае был все тот же Наима, который в свою очередь переписал это письмо из „Фезлеке" Кятиба Челеби. Мы даем это письмо по тексту „Фезлеке", указав в квадратных скобках добавления, имеющиеся у Наима. Вот оно:

„Приключения мои известны миру. Когда заносчивость сеющих смуту вероломных османов и их притеснения достигли пределов, [а насилия над миром стали их обычаем,] мы отвратились от них и перестали им повиноваться. [Затем, победив и стерев в порошок их полководцев, выступивших против нас в бывшей их столице Брусе] и разгромив принадлежавшие им провинции Михалыч, Айдын и Сарухан, мы вернулись с неисчислимой добычей, и сообщество наше увеличивалось изо дня в день. Когда мы пришли в Конию, то находившийся там бейлербей Карамана Зюльфакар паша укрылся в крепости. Мы выступили против него, и окрестности (Конии) были (так же) подвергнуты разгрому. Затем мы спустились к Караману. К этому времени мы потеряли уже всякую

---

[1] „Вслед за средним и высшим столичным дворянством вовлекается в смуту и дворянство родовое, провинциальное. Движение поднято было дворянами городов Путивля, Веневи, Каширы, Тулы, Рязани. Первым поднялся еще в 1606 г. воевода отдаленного Путивля кн. Шаховской, человек неродовитый, хотя и титулованный. Его дело подхватывают потомки старинных рязанских бояр, теперь простые дворяне, Ляпуновы и Сунбуловы. Мятежники кричали, что царь — человек глупый и нечестивый, пьяница и блудник, что они восстали за свою братию, дворян и детей боярских, которых будто бы царь с потаковниками своими, большими боярами, в воду сажает и до смерти побивает" (В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. III, М., 1908, стр. 53—54).

[2] Ahmet Refik. Osmanli devrinde zorbalar. стр. 5.

надежду в отношении династии османов и (продолжали) оказывать неповиновение им. А после восстания Джанполада оглу мы [и впредь] потеряли всякое доверие к династии Османов и, до тех пор пока (у нас) душа в теле, ни за что не подчинимся ей. Если поможет всевышний, то мы с имеющимся у нас бесчисленным и храбрым войском устраним ордяхлевшего старика[1] и заставим османов отказаться (от территории) по сю сторону от Скутари. А если случай будет благоприятствовать старику, то нам достаточно уже и того, что самое дело, которое мы совершили, станет предметом всеобщего обсуждения".[2]

Верно, что в приведенном документе совершенно не двусмысленно сказано о стремлении руководителей восстания (в данном случае Календера) поставить себя в полную независимость от династии Османов. Видимо, у некоторой категории участников восстания, действительно, такие настроения имелись. Но трудно сказать, поддерживались ли они всей массой участников восстания.

Что касается последней группы участников восстания Кара Языджи — „фирари", то нужно отметить, что в социальном отношении она не была однородной. Значительная часть ее,

---

[1] Имеется в виду султан Ахмед I (1603—1617).

[2] ايچ ايلده مصلى چاوش نام شقى اوزرينه كيده‌لم ديو عرض محبت بلدى و مكتو بنده يازدوغى ترزيقاتك خلاصه‌سى بو در كه اعتبار ايچون نقل اولندى بعد العنوان سركذشتم عامله معلوم در فتنه انكيز و عهد شكن عثمانيان متغلبه او لمغله [غرورلرى كماله ايروب عامله جور وجفايى پيشه قلمغله] طاغتلرندن يوز چويروب اظهار خلوصى ترك ايلدكن صوكره [پاى تختلرى اولان بروسه‌ده مقابله‌مزه كلان وكلا منهزم و پايمال اولدقدن صكره] ميخاليج و ايدين و صاروخان ايللرينى يغما و غارت ايليوب غنايم بى شمار ايله دوندك جمعيتمز يوماً فيوما زياده اولوب قونيه شهرينه كلديكومزده قرمان بكلربكيسى ذوالفقار پاشا انده موجود بولنوب قلعه‌يه قپاندى اوزرلرينه واريلوب اطراف اكنافه يغما اولندى بعده كوچوب قرمانه تزول ايلدك بو انه كلنجه آل عثمان طوفندن من وخه قطع اميد ايليوب سركشلك اولنوردى جانپولاد اوغلى وقعه‌سندن صوكره من [بعد آل] عثمان طوفندن قطع اميد ايليوب جان تنده اولدقجه سوفرو ايلمك يوقدر حق تعالى معين اولورسه يانمزده اولان بشمار كارزار دلاورلرايله اول قوجه فرتوتو بوطرف ايدوب اسكداره بروسنى عثمانلويه فراغت ايتورمك واردر اكر فرصت قوجه‌نك اولورسه بزم ايتديكيمز ايشلر دللرده داستان اولديغى همان بزه كافردر (فذلكة рукопись И.В., л. 119а—119б. — Наима, ук. соч., т. II, стр. 29).

как мы уже отмечали, состояла из феодалов, лишенных ленных наделов за то, что они не явились для участия в военном походе. Их недовольство султанским правительством сказалось уже в том факте, что они игнорировали выполнение своих первейших обязанностей перед ним. Теперь же, когда их коснулась репрессия, эта группа феодалов примкнула к восстанию и стала во всем помогать Кара Языджи.

Другую часть „фирари" составляли простые солдаты наемной армии — дезертиры, которые желали уклониться от участия в столь длительной войне, не сулившей больших побед, а следовательно, и никаких выгод от военных добыч, которые ранее и привлекали их к участию в походах. В довершение к этому жалование, которое полагалось солдатам, систематически задерживалось, а если выплачивалось, то неполноценной монетой. Провианта нехватало, и положение солдат на фронте было чрезвычайно тяжелым. В результате всего этого дисциплина в армии пала, и солдаты при всяком удобном случае самовольно покидали поле битвы.[1]

Изданный в 1596 г. указ о том, чтобы все беглецы с фронта были казнены на месте их поимки, автоматически поставил дезертиров в лагерь противников султанского правительства, и они, присоединившись к восстанию Кара Языджи, стали его военной опорой.

Такая пестрота в составе участников восстания в самом зародыше уже таила порочное начало, которое обрекало на неудачу все движение. Возможно ли было сочетать интересы бейлербея с требованиями бедняка-крестьянина? Мог ли Кара Языджи стать вождем всех социальных категорий, принявших участие в восстании? Конечно, нет. И мы увидим, что это обстоятельство вначале привело к раздорам внутри лагеря повстанцев, а затем и к гибели всего движения в целом. Однако перейдем к фактам.

После соединения отрядов Хюсейна паши и Кара Языджи последний продолжает оставаться руководителем восстания. В начале октября он занимает крепость Урфу и обороняется против начавшего осаду Мехмеда паши. Повидимому, Мехмед паша рассчитывал на быструю победу, и в своем первом донесении в Стамбул он писал: „В середине месяца Рабиуль-ахыра (начало октября 1599 г.) возмутившийся враг религии и государства Хюсейн паша вместе с Кара Языджи собрали свое войско бродяг и пьяниц, подготовились и заняли крепость Урфу, но внутренней частью ее овладеть не могут, так как им оказывают сопротивление укрепившиеся там комендант и население крепости. С войсками дамасского бейлербея Хос-

[1] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 92.

рева паши и алеппского бейлербея Ибрагима паши прибыло бесчисленное количество воинственных людей с курдских и арабских равнин.[1] С огромным количеством (войска) мы окружим противника и, с божьей помощью, даже птица не пролетит — так что заполучить (врага) стало возможным и легким делом. Равным образом захвачены и съестные припасы противника, и он окружен совместными усилиями превосходящим его силы войском изнутри и снаружи".[2]

Однако Мехмед паша рано начал торжествовать победу. Захватить крепость оказалось совсем не таким легким делом, как он предполагал. Полученное от него в конце ноября донесение куда менее оптимистично. Он сообщает, что Кара Языджи с огромным войском вошел в крепость Урфу, через несколько дней выбил укрепившегося внутри коменданта и завладел всей крепостью, а войска алеппского и дамасского бейлербеев, шедшие на помощь сердару, не поспели во-время, так как внутри них возникли беспорядки, и, вместо того чтобы итти к Урфе, Хаджи Ибрагиму паше пришлось наводить порядок в своей армии.

Одновременно гонцы Мехмеда паши доложили: „В народе ходят слухи, что (настоящее) имя Кара Языджи — Абдалхалим, и он всюду прославляет себя, заявляя: — Я происхожу из древнего рода шахов, и сам пророк, да пошлет ему аллах благословение и мир, явившись во сне, известил меня о том, что «правосудие и государство принадлежат тебе». — На этом основании он (Кара Языджи) рассылает по всей стране указы с Тугрою Халима шаха Победоносного".[3] „А Хюсейн паша был сделан великим везиром; (Кара Языджи), лично занимаясь созданием армии, организовал солаков,[4] янычар, аджем огланов,[5] чавушей, чешнегиров мютеферриков,[6] придворный корпус

---

[1] В рукописи Селяники значится: اكراد و اغرات باديه. Видимо, переписчик ошибся в расстановке точек, и из слова اعراب у него получилось اغرات, не имеющее здесь смысла.

[2] Селяники, л. 373а.

[3] افواهده سويلنن كلام خام مسموع خاص و عام اولديكه قره يازيجينك اسمى عبد الحليم اولوب و بن شاهان پيشين نسلندن ام بكا واقعمده حضرت رسول صلى الله عليه و سلّم عدل و داد ايله دولت سنكدر ديو بشارت ايلدى سوزيله مباهات ايدوب حليم شاه مظفر تابان طغراسيله اطراف و اكنافه احكام كوندروب.... (Селяники, л. 376а—376б).

[4] Солаки (صولاق) — так назывались несколько рот янычар, обязанностью которых было сопровождать султана во время походов и охранять его особу, вести за повод лошадей и т. п. (см.: Ахмед Расим, ук. соч., т. I, стр. 442).

[5] Аджеми огланы (عجمى اوغلان) — придворные пажи.

[6] Чешнегиры (отведывальщики) — чины придворной кухни.

и судей и приказал разослать повсюду (об этом) указы с тугрою. И они (гонцы) показали несколько указов с тугрою (Кара Языджи), которые им было приказано привезти (ко двору)".[1]

Только через месяц, в конце декабря, пришло известие о победе: „Мехмед паша с бесчисленным войском окрестных бейлербеев, Алеппо, Дамаска, а также курдских эмиров, осадил в упомянутой крепости людской сброд, настроил со всех сторон бойниц и начал большое сражение, открыв огонь из пушек и ружей. Несколько раз мятежное войско делало вылазки и наступало на бойницы, но понесло огромные потери. (Тогда Кара Языджи), видя нависшую над собой угрозу, однажды ночью связал Хюсейна пашу, спустил его с крепости вниз и вручил сердару. Взамен этой услуги (сердар) пожаловал ему Айнтабский санджак. Раненый предатель (т. е. Хюсейн паша. — *А. Т.*) через пять дней прибудет (в Стамбул)".[2] Это известие было встречено в столице с огромной радостью. Очевидно, здесь считали, что наиболее опасным противником является Хюсейн паша и с арестом его будет положен конец всему восстанию. В начале февраля 1600 г. Хюсейн паша предстал перед судом „августейшего Дивана", где уличен был в „предательстве" и „вероломстве" и, как зачинщик восстания, „принесшего огромные бедствия стране", нагруженный вьюками был проведен по улицам и показан народу, а затем повешен на воротах в назидание другим.[3]

Но очень скоро обнаружилось, что казнь Хюсейна паши не внесла никаких изменений в положение дела. Кара Языджи и не думал оставлять начатого им восстания. Заключение перемирия нужно было ему только для того, чтобы вырваться из крепости. Продолжавшаяся 73 дня осада Урфы[4] совершенно истощила его боевые запасы. Говорят, что когда уже не оказалось больше свинца, то Кара Языджи приказал отливать пули из медных монет.[5] Поскольку выдача Хюсейна паши удовлетворяла главнокомандующего султанским войском, Кара Языджи пошел на этот выгодный для него компромисс, чем фактически возвращал себе свободу действий

---

[1] حسين پاشايى وزير اعظم ايدينوب اصله عسكرى صايوب صولاق و يكيچرى و عجمى اوغلانى و چاوش و چاشنكير متفرقه و بلوك خلقى و قاضيلر نصب ايدوب اطراف واكنافه نشانله احكام كوندردى ديو بر نيجه نشانلق حكملرين دخى كتوردوب كوسترودى (Селяники, л. 375а).

[2] Там же, л. 379а.

[3] Селяники, 381а—381б. — Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 128.

[4] Аракел Тавризский [по переводу Brosset (Collection .., t. I, p. 578)].

[5] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 253.

(„Писарь для себя плохого не напишет", — вставляет здесь Атайи).[1]

Тот факт, что Кара Языджи, не раздумывая долго, согласился пожертвовать одним из своих единомышленников, свидетельствует о возникновении первых противоречий внутри лагеря восстания. В данном случае можно полагать, что трения возникли между Кара Языджи и Хюсейном пашой вследствие стремления последнего к руководству движением. Хюсамэддин пишет по этому поводу: „Хюсейн паша был чрезвычайно умным, предприимчивым и влиятельным человеком. Участие его в восстании было столь же опасным для Высокой Порты, сколь вредно и для главы повстанцев Абдалхалима, так как руководство (движением) должно было обязательно перейти к Хюсейну паше".[2]

Однако крупные феодалы, как мы увидим далее, в большинстве своем были на стороне султанского правительства. Восстанию помогали только те из них, кто был лично так или иначе обижен при дворе. Таким образом, руководство восстанием целиком находилось в руках Кара Языджи и его ближайших единомышленников.

Освободившись из осады путем принесения в жертву Хюсейна паши, Кара Языджи вышел из Урфы и направился со своим войском в пожалованный ему Мехмедом пашой санджак. О том, какой именно санджак он получил, единого мнения в источниках нет. Так, Селяники сообщает, что Кара Языджи, выйдя из Урфы, поспешил присоединиться к группе друзов и был настигнут Мехмедом пашой в окрестностях Айнтаба, потерпел поражение в результате происшедшей битвы и оказался снова осажденным в долине Джеханнем („Адская долина").[3] На этом, к сожалению, и кончается хроника Селяники, и мы не можем проверить истинность этого варианта, тем более, что в других источниках он не встречается. Наоборот, Печеви, Атайи, Карачелебизаде говорят, что после Урфы Кара Языджи получил Чорумский санджак.[4] Однако Чорумский санджак Кара Языджи получил позже, а на этот раз ему был пожалован санджак Амасья, как сообщает Кятиб Челеби, знакомый, видимо, с бóльшим количеством материалов, чем другие историки.[5] Известный турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби, описывая в своей „Книге путешествия"[6] Амасью, где он был примерно в 1640 г., сообщает,

[1] Атайи, ук. соч., стр. 477.
[2] Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 347.
[3] Селяники, л. 388б.
[4] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 253. — Атайи, ук. соч., стр. 477. — Карачелебизаде, ук. соч., стр. 490.
[5] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 128.
[6] اولیا چلبی سیاحتنامهسی (1896) — 1935, т. I—IX.

что нижняя часть этой крепости изобилует пещерами, в которых во времена „джеляли" Кара Языджи и Кара Саида[1] знатные и почетные люди вилайета прятали ценности и имущество, а также скрывались сами вместе со своими семьями.[2] Это указание Эвлия Челеби, во-первых, подтверждает сообщение Кятиба Челеби о факте пребывания Кара Языджи в Амасье, а, во-вторых, — и что более существенно, — оно еще раз говорит о том, что крупные феодалы не были сторонниками восстания, и деятельность Кара Языджи угрожала в первую очередь знатным и вельможным людям, т. е. тем, кто являлся представителем султанской власти в провинциях.

Прибыв в Амасью, Кара Языджи не распустил своего войска и продолжал оказывать неповиновение султанскому правительству. На этот раз Мехмед паша получает указ из Стамбула — изловить уже самого Кара Языджи.[3] После битвы при Урфе дамасский бейлербей Хосрев паша самовольно оставил фронт и ушел со своим войском в Дамаск, за что вскоре и был уволен с поста бейлербея.[4]

Хаджи Ибрагим паша за умелое подавление беспорядков в своем войске получил звание везира и был вызван в Стамбул для участия в заседаниях Дивана.[5]

Таким образом, Мехмед паша должен был снова один выступить со своим войском против Кара Языджи. Встреча произошла в горах, недалеко от Сиваса. После кровопролитной битвы, в которой были значительные потери с обеих сторон, Кара Языджи оказался оттесненным в глубокое ущелье, и выход для него оттуда был закрыт. Наступила суровая зима 1599/1600 г., и военные действия пришлось прекратить. Мехмед паша отправился на зимовку в Диярбекир,[6] а о деятельности Кара Языджи в течение этой зимы никаких известий не имеется.

С наступлением весны Мехмед паша снова получает предписание выступить против Кара Языджи. Но и Кара Языджи, повидимому, предпринял меры, обеспечивающие его войску выход из ущелья. Какими путями — неизвестно, но он добился того, что сивасский бейлербей Махмуд паша, отправившись в Стамбул, заявил Шейхульисламу и каймакому, что „Кара Языджи послушен и подчиняется султанским ферманам, отныне он отказался от смутьянства и, только спасаясь от притесне-

---

[1] Кара Саид — один из руководителей восстания, имевшего место в том же районе.

[2] اولیا چلبی سیاحتنامه‌سی, т. V, стр. 184—185.

[3] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 128.

[4] Селяники, л. 379а, 380а.

[5] Там же, л. 387б.

[6] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 128.

ний Мехмеда паши, укрепился в ущелье. А вообще Кара Языджи из тех людей, кого можно использовать для больших дел. Так как Махмуд паша дал свое полное поручительство за все последствия, Кара Языджи был прощен и получил Чорумский санджак".[1] Печеви по этому же поводу приводит другой, не менее интересный факт: „Племянник муфтия Сан'уллы эфенди прислал письмо, где сообщал о несправедливостях, совершаемых Мехмедом пашой: «Даже сравнительно с (насилиями) мятежников притеснения (чинимые Мехмедом пашой) тяжелее. Оттого-то так и много восстаний и возмущений. Производя смены на постах через посредство взяток, отбирая у подданных съестные припасы и затем облагая их денежным налогом, он довел до того, что люди вышли из повиновения»".[2]

Достоверность этого сообщения Печеви становится несомненной, когда мы находим и у Кятиба Челеби рассказ о том, что в августе 1601 г. великий везир Емишджи Хасан паша и янычары предъявили шейхульисламу Сан'улле обвинение в пособничестве „мятежникам", напомнив ему, как его племянник Челеби Кади получил взятку от Кара Языджи в 30 000 пиастров. Доказав это, они добились отставки Мехмеда паши с поста главнокомандующего войсками, усмирявшими восстание.[3]

Как сообщают историки, представитель султанской власти сердар Мехмед паша вместо водворения порядков сеял всюду еще большее недовольство; его жестокие карательные меры и бесконечные поборы еще шире раздували пламя восстания среди крестьянства. На основании указанных выше сообщений из провинции Мехмед паша был снят с поста главнокомандующего и отозван в Стамбул.

Кара Языджи, выбравшись из горных ущелий вблизи Сиваса, где он провел зиму, направился в пожалованный ему, по ходатайству анатолийских феодалов, Чорумский санджак. Однако и теперь он продолжал оставаться на прежних позициях неповиновения, вербуя единомышленников и присваивая себе право сбора налогов с окрестных районов.[4] Теперь он выступает с еще большей силой, так как к нему присоединился прибывший из Багдада брат его, — Дели Хасан.

Является интересным вопрос и о том, какова была позиция Ирана к событиям, происходившим в этот момент внутри Турции, и не имел ли Кара Языджи поддержки со стороны иранского шаха.

---

[1] Там же, т. I, стр. 139.
[2] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 253.
[3] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 189.
[4] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 253.

Конечно, не случайно, что шах Аббас именно в 1600 г. объявил войну Османской империи. Иранским правительством несомненно учитывалось, что волнения, происходившие внутри Турции, значительно облегчат войну с нею. В нашем распоряжении нет материалов, из которых мы могли бы видеть, что шах Аббас оказывал чем-либо непосредственную помощь Кара Языджи. Однако самый факт объявления Ираном войны Турции оказался значительной моральной поддержкой для повстанцев. Такой вывод мы можем сделать на основании материалов о восстании Календера оглу, в которых сообщается, что всегда в трудный для него момент Календер оглу отходил к иранской границе и угрожал оттуда перейти к шаху и тем самым добивался компромиссов со стороны султанских сердаров.[1] С другой стороны, внутренние беспорядки мешали Турции справиться с Ираном, и мы видим, как последний в короткий срок отвоевывает один за другим города Тавриз, Нахичевань, Ереван, Шемаху, Ширван. Только справившись с внутренними волнениями, Турция сумела несколько уравновесить свои потери.

Султанское правительство, наконец, очень серьезно обеспокоено положением в Анатолии и посылает туда новые военные силы. Вместо Мехмеда паши главнокомандующим назначается багдадский бейлербей Хасан паша, которому предписывается выступить с войском из Багдада и какими угодно средствами подавить восстание и схватить Кара Языджи и Дели Хасана. В помощь Хасану паше посылается из Стамбула с войском везир Хаджи Ибрагим паша, участвовавший ранее в осаде крепости Урфы. Последний отправляется в поход и, желая один пожать славу победы, не дождавшись прибытия из Багдада Хасана паши, вступает в битву с войском Кара Языджи невдалеке от города Кайсери.[2] Но армия Кара Языджи насчитывала в это время свыше 20 000 человек,[3] о чем Хаджи Ибрагим паша, кажется, и не подозревал, идя в бой. В результате происшедшего сражения правительственные полки были разбиты, Хаджи Ибрагим паша с небольшой кучкой людей с трудом спасся, укрывшись в крепости Кайсери. Всех оставшихся за стенами крепости постигла, по выражению турецких источников, участь „шехидов" (мучеников за веру).

По этому поводу имеется также донесение итальянского посланника, опубликованное Domenico Gigliotti в Риме в 1601 г.:„... пока Турок находится в таком ослабленном

[1] См.: Gontaut Biron barone de Salignac. Ambassade en Turquie 1605—1610, p. 233, 235, 240.

[2] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 143.

[3] Наима, ук. соч., т. I, стр. 237.

состоянии, что не может держать отряды во многих провинциях, так как Писарь (т. е. Кара Языджи. — *А. Т.*), являющийся инсургентом в Анатолии... дал ему (султану) уже третье сражение, убил у него 12 тыс. турок, в преобладающей части из кавалерии, забрал богатую добычу, которую он велел раздать своим солдатам, заставив провинции уплатить ему контрибуцию..."[1]

Эта победа чрезвычайно возвысила престиж Кара Языджи. Отныне он считал себя единственным полноправным властителем всей завоеванной им территории. Особо отличившимся в битве при Кайсери он роздал „августейшие" грамоты. Одна из таких грамот приведена в „Фезлеке" Кятиба Челеби. Вот полный перевод ее:

„Предъявителю сего священного указа, некоему по имени Мехмед из жителей Кайсери, который с полной искренностью повиновался этой стороне во время войны с побежденным при помощи всевышнего сердаром османов Хаджи Ибрагим пашой, я простил абсолютно все налоги и подати и дал ему на руки сей августейший указ (и приказал):[2] Когда, если богу будет угодно, рука (т. е. власть. — *А. Т.*) Османов окончательно будет устранена (отрезана) от этих краев и господство бесспорно утверждено и назначено мне, то поставленные мною начальники, согласно (сему) указу, пусть не облагают ни одним налогом вышеупомянутого получившего (полное) освобождение от повинностей. Всякий, кто не подчинится этому моему распоряжению, будет наказан. Имея на руках сей мой священный указ, пусть действуют, согласно его смыслу. Пусть это знают! Написано в середине месяца Рабиуль-Эввеля 1009 года (конец сентября 1600 г.)".[3]

Приведенный указ Кара Языджи представляет для нас значительный интерес, так как мы можем усмотреть в нем попытку руководителя восстания примирить противоположные интересы различных социальных категорий, явившихся участниками восстания. С одной стороны, здесь проскальзывает идея „отделения руки османов от этих краев", т. е. от Анатолии, носителями которой (идеи) были несомненно феодальные элементы, выступавшие не против существующих социальных порядков в целом, а именно против династии османов (آل عثمان), как таковой.

Но основную массу участников восстания составляли крестьяне, которые выступали в первую очередь против всех

---

[1] Хурмузаки, ук. соч., т. III, ч. II, стр. 534.

[2] Выражение „и приказал" имеется только в тексте у Наима (I, 237). Все разночтения, имеющиеся у Кятиба Челеби и Наима, будут даны нами в приложенном тексте этого указа в конце работы.

[3] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 143.

и всяческих налогов. Поэтому, с другой стороны, Кара Языджи, коли он дорожил участием крестьянства в движении, должен был удовлетворять и их требования. И он громогласно освобождает особо отличившихся участников восстания от всех налогов. Тот факт, что делает он это в специальных именных грамотах, показывает, что освобождение от налоговых повинностей не носило массового характера, а преследовало главным образом агитационные цели.

Однако содержание многочисленной армии требовало значительных средств,[1] получить которые Кара Языджи мог только путем тех же налогов с крестьянства. Поэтому мы видим, что в занимаемых им районах Кара Языджи присвоивал себе право сбора налогов, которое принадлежало ранее Порте,[2] а также облагал провинции контрибуциями, как это видно из приведенного донесения итальянца.

Самостоятельное царствование Кара Языджи после битвы с Хаджи Ибрагимом пашой при Кайсери продолжалось около года. В источниках, которыми мы располагали, очень редко можно встретить подробное описание конкретной деятельности Кара Языджи в том или ином районе. Также и в данном случае нам приходится пользоваться сведениями, имеющимися у Хюсамэддина, который пишет следующее: „Пост шейхуль-ислама при Абдалхалиме занял кайсерийский шейх Абдуррахман, а обязанности великого везира его исполнял Календер оглу Мехмед". И далее: „Абдалхалим бей, прибыв на равнину Гельдигелян (گلديكلان), раскинул султанский шатер, повсюду разослал ферманы и, назвав себя «Халим шахом», приказал отлить тугру. Однако цель участников восстания не заключалась в том, чтобы сделать Абдалхалима шахом или султаном, они хотели поставить его главою, который выполнял бы решения совета [?] (شورا).

„Но Абдалхалим бей в месяце Раби-уль-эввеле 1008 (окт. 1599) года объявил деревню Каин орта (كاين اورته) волости Гельдигелян центром султаната. Отсюда он назначал во все стороны имамов и проповедников, (рассылал) указы и раздавал жалованные грамоты. Людей, желавших получить разъяснение о его (подлинных) намерениях, он называл «османцами», предавал казни. Разгоревшееся вдруг влияние Абдалхалима

[1] Иоанн Цереци в своей хронике, которая вошла отдельной главой в хронику Аракела Тавризского, сообщает, что ежедневный расход Кара Языджи составлял 30 мод (мод — мера сыпучих тел в Месопотамии, равняющаяся 224 литрам в Греции) ячменя, выдаваемого лошадям, более 400 литров хлеба, 110 баранов, 35 литров риса, 10 литров масла, 500 пиастров жалования. Его издержки составляли ежедневно 1000 пиастров (см.: M. Brosset. Des historiens Armeniens..., 1873, p. 41—42).

[2] Так, напр., поступил Кара Языджи, прибыв в Чорумский санджак (см.: Печеви, ук. соч., т. II, стр. 253).

было ужасным".[1] Затем Хюсамэддин пишет, что местные феодалы постепенно начали переходить на сторону Кара Языджи. Среди них он называет сивасского бейлербея — Дели Махмуда пашу, мютеселлима Амасьи Зюльфакара агу и вновь присланного бейлербеем Сиваса Черкеса Махмуда пашу.[2] Подобного рода факты находят себе подтверждение и в использованных нами первоисточниках. Так, Кятиб Челеби рассказывает: „Когда действующие силой и принуждением победители подобно полчищам мух, набрасывающимся на пищу, стали отнимать посты и имущество у побежденных, сановные люди, имевшие силы принять меры, обратились с просьбой к упомянутому разбойнику и, откупившись деньгами, заручились поддержкой мятежника, который помог им и распределил (между ними) должности, так как он (Кара Языджи) сам ведал делом смещения и назначения".[3] Такая политика услужничества по отношению к феодалам привела к тому, что противоречия между Кара Языджи и основной массой участников восстания, т. е. крестьянством, начали быстро углубляться.

Эти противоречия очень скоро дали себя почувствовать и на стойкости армии Кара Языджи в ее борьбе с правительственными войсками.

И вот в то время, когда стан Кара Языджи начал подтачиваться противоречиями изнутри, багдадский бейлербей Хасан паша, сын великого везира Мехмеда Соколлу,[4] очень тщательно готовился к походу. Он стянул к Диярбекиру все войска Багдада, Алеппо, Дамаска и других арабских провинций[5] и выступил во главе их только в начале 1601 г. Решительная битва произошла 15 августа в долине Эльбистана близ местечка, называемого Сепедлю (سپدلو). Здесь 30-тысячное войско Кара Языджи потерпело окончательное поражение. Количество убитых со стороны армии Кара Языджи определяется Кятибом Челеби в 10 тысяч человек.[6] Карачелебизаде утверждает, что на поле битвы Кара Языджи потерял около 20 тысяч бойцов.[7] Сам Кара Языджи с остатками своего войска скрылся в горах Джанык, расположенных между Токатом и Трапезундом. Хасан паша, преследуя Кара Языджи, дошел до Токата, где и остановился на зимовку.

---

[1] Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 348, 349.
[2] Там же.
[3] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 289.
[4] Соколлу Мехмед паша — великий везир при султане Сулеймане Кануни и при Селиме II.
[5] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 253.
[6] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 174. — Наима, ук. соч., т. I, стр. 282.
[7] Карачелебизаде, ук. соч., стр. 490.

Наконец, в Стамбул пришло известие о том, что в феврале 1602 г. Кара Языджи скончался в горах Джаныk. По этому поводу Хюсамэддин пишет: „В 1010 (1601/2) году Высокая Порта прислала в качестве сердара багдадского вали, сына Соколлу Мехмеда паши, — Хасана пашу. Но Абдалхалим окончательно возвеличился. Отбросив основные цели участников восстания, он (заставлял) их исполнять только его собственные стремления и царские желания (в результате чего) руководство его над повстанцами уже не признавалось ими. А между тем участники восстания стремились достигнуть своей цели, приняв республиканскую форму правления (حال بو كه ارباب احتلال جمهورى بر شكل وطرزى قبول ايدەرك غايەلرينه ايرمك استەيورلرى). Манеры и образ действий Абдалхалима раздражали повстанцев. В результате происшедших внутренних раздоров и противоречий в лагере повстанцев Абдалхалим в месяце реджебе 1010 (дек. 1601) года был уничтожен. После этого в результате долгих споров и пререканий повстанцы избрали своим руководителем брата Абдалхалима Дели Хасана агу“.[1]

Сообщаемый (к сожалению, без ссылки на источник) Хюсамэддином факт о том, что Кара Языджи был, якобы, уничтожен (убит?) во время распрей в лагере повстанцев, не подтверждается сообщениями ни одного из использованных нами источников, хотя, вообще говоря, и такой исход вполне правдоподобен. Однако летописи не сообщают обстоятельств смерти Кара Языджи.

Если сделать оговорки по поводу того, что Хюсамэддин, следуя своей националистической концепции, все время стремится представить социальную борьбу турецкого народа против феодальной эксплоатации в виде национальной борьбы турок против засилия нетурецких элементов, что он оперирует все время понятиями современных ему исторических событий и отсюда употребляет такие термины, как „совет“ (شورا), „республика“ (جمهوريت), применение которых вряд ли можно считать допустимым для начала XVII в. в Турции, то с основным его выводом можно согласиться. Вывод этот таков: внутренние разногласия между руководителем восстания и массой участников его, а вернее всего — между руководящей верхушкой восстания и остальной массой повстанцев, все больше и больше усиливались. Чем дальше, тем яснее становилось, что крестьянину не по пути с феодалами и так или иначе разгром этого движения неизбежен. Однако после смерти Кара Языджи надежда на нового руководителя движения Дели

[1] Хюсамэддин, ук. соч., т. III, стр. 351.

Хасана способствовала тому, что лагерь повстанцев не распался окончательно. Бывший кетхуда (старшина) Кара Языджи — Шах Верди рассказывал после, что тело Кара Языджи было разрублено на 45 частей и каждая часть похоронена отдельно, дабы османы не нашли и не предали прах сожжению.[1]

Итак, преемником роли руководителя восстания явился брат Кара Языджи — Дели Хасан. К Дели Хасану присоединились со своими войсками еще три руководителя отдельных повстанческих групп — Шах Верди, Юлар Касды и Тавил.

В апреле 1602 г. Дели Хасан спустился с гор во главе окрепшей снова армии. Он напал на обоз Хасана паши, шедший из Диярбекира в Токат, и разгромил его. Тогда Хасан паша, выйдя со своим войском из Токата, вступил в бой с Дели Хасаном, но превосходство в силе оказалось на стороне последнего, и Хасан паша вынужден был поспешно вернуться в Токат и укрепиться за стенами его крепости. Тогда, как говорят историки, войско повстанцев начало опустошать окрестности Токата. Приводится факт, что в мае ими был разгромлен находящийся вблизи Токата „Райский сад" Хасана паши, в котором, якобы, деревья и цветы были искусственными, сделанными исключительно из драгоценных камней. Далее Кятиб Челеби сообщает, что все имущество, которое они ранее отобрали у Хасана паши, а именно: деньги, шелка, сукна и (другие) материи, повстанцы разделили между собой, отчего силы их значительно возросли.[2]

Приведенные сведения являются яркой иллюстрацией того, что в подавлении восстания руководителями были крупнейшие феодалы — владельцы неисчислимых богатств, позволявшие себе, если верить сообщениям источников, такие дорогие и редкие диковинки, как „Райский сад" Хасана паши. С другой стороны, они еще раз показывают нам, что все действия повстанцев были направлены в первую очередь против тех, кто являлся представителем и носителем султанской власти в провинциях. Захват имущества у богачей и распределение его среди участников восстания дают совершенно определенное представление о классовой направленности движения.

В июне повстанцы решили расправиться с Хасаном пашой и начали осаду Токата, продолжавшуюся около месяца. Здесь мы встречаемся с интересным явлением, которое показывает нам, что и горожане в известной части склонялись на сторону восстания и оказывали ему поддержку. Так, во время осады Токата население его помогало не Хасану паше, а тем, кто осаждал крепость. Печеви, который в этот момент был дефтердаром

[1] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 253.
[2] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 174—175.

в Токате, пишет: „я несколько раз видел, как достойные казни убегали из крепости и передавали мятежникам, в какое время по утрам имеет обыкновение выходить (из дома) Хасан паша".[1]

В результате этого Хасан паша был выслежен и подстрелен в то время, когда находился на стене крепости. Вскоре после смерти Хасана паши повстанцы заняли и самую крепость.

Когда весть о падении Токата и смерти Хасана паши достигает Стамбула, султанское правительство предписывает выступить против Дели Хасана бейлербею Диярбекира Хосреву паше с войском Дамаска, Аллепо и Мараша. Однако упомянутые войска отказались итти в бой и под предлогом близкой зимы они самовольно оставили своего главнокомандующего. Весть об этом дошла до Дели Хасана, и он, окрыленный победой над Хасаном пашой, без страха двинулся на завоевание западных провинций Анатолии.[2] Войско его в это время насчитывало свыше 30 тысяч человек.[3] Мухафизом[4] Анатолии был назначен везир Ахмед паша. Услышав о приближении Дели Хасана, Ахмед паша, не рассчитывая на стойкость своей армии, поспешил укрыться в Кутахьи. Дели Хасан в декабре подошел к кутахийской крепости и начал осаду ее. Совершенно несомненное превосходство в силе было на стороне Дели Хасана, однако суровая зима чрезвычайно осложнила обстановку и заставила его отступить. Сняв осаду Кутахьи, он разгромил окрестности ее и повел свою армию на зимовку в город Карахисар.[5] В том же месяце декабре из Стамбула был назначен против Дели Хасана новый сердар Гюзельдже Махмуд паша. Правительство решило, наконец, всерьез взяться за ликвидацию восстания. Однако в июле 1603 г. в Стамбул прибыл посланник Дели Хасана Кетхуда Шахверди и передал нижайшую просьбу султану о прощении всех грехов руководителя восстания. Просьба эта с радостью была принята, и Дели Хасану за его чистосердечное раскаяние был пожалован Боснийский санджак. Шесть человек из числа ближайших сподвижников Дели Хасана также получили большие посты и награды. Около 400 человек участников восстания были прощены и приняты в состав султанской регулярной армии. В начале 1604 г. Дели Хасан в сопровождении этих лю-

---

[1] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 254.
[2] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 184.
[3] Печеви, ук. соч., т. II, стр. 270.
[4] Мухафиз (محافظ) — военный губернатор, посылаемый из Стамбула для наблюдения за охраной военных крепостей и спокойствия провинций.
[5] Uzunçarşılıoğlu Ismail Hakkı. Kütahya. şehri, стр. 151.

дей был направлен в Румелию, а затем на австрийский фронт.[1]

На этом по существу и заканчивается восстание Кара Языджи—Дели Хасана. Находясь в Румелии, Дели Хасан делал еще неоднократные попытки противопоставить себя султанскому правительству. Но деятельность его носила уже неорганизованный, бунтовщический характер человека, не желавшего подчиняться государственным указам и вместе с тем бессильного сделать что-либо для завоевания личной власти. Он грабил и разрушал крепости, облагал самовольно население непосильными налогами и даже начал вести переговоры с венецианцами и папой о продаже им за 100 000 золотых одной из крепостей в Далмации. Но этот заговор его был своевременно раскрыт, и в конце 1605 г. Дели Хасан казнен по прибытии из Темешвара в Белград.[2]

---

[1] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 193. — Печеви, ук. соч., т. II стр. 270.

[2] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 272—273.

Заключение

ХАРАКТЕР ВОССТАНИЯ. ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ. СЛЕДСТВИЯ

Таким образом, восстание Кара Языджи — Дели Хасана, являвшееся в сущности восстанием крестьянским, как по социальному составу основных масс участников его, так и по характеру стоявших перед ним задач, было использовано возглавлявшими это движение мелкими феодалами и выходцами из „служилого" военного сословия в своих узко-классовых интересах.

В тот самый момент, когда восстание достигло наибольшего размаха, когда в руках повстанцев оказалась почти вся Анатолия, Дели Хасан совместно с кучкой единомышленников, стоявших во главе движения, предал интересы народа, перешел на сторону правительства, оставив восстание без руководства.

Возглавившие движение мелкие феодалы, видимо, напуганные активностью масс снизу, перешли на сторону султана и тем самым помогли ему расправиться с восстанием.[1]

[1] Здесь снова хочется привести очень яркий пример подобного же рода предательства со стороны феодалов, принимавших участие в восстании под руководством Болотникова в России: „Движение, поднятое дворянами, Болотников повел в глубь общества, откуда сам вышел, набирал свои дружины из бедных посадских людей, бездомных казаков, беглых крестьян и холопов, — из слоев, лежавших на дне общественного склада, и направлял их против воевод, господ и всех власть имущих. Поддержанный дворянами южных уездов, Болотников со своими сбродными дружинами дошел до самой Москвы, не раз побив царские войска. Но здесь и произошло разделение этих на минуту и по недоразумению соединившихся враждебных классов. Болотников шел напролом: из его лагеря по Москве распространялись прокламации, призывавшие холопов избивать своих господ, за что они получат в награду жен и имения убитых, избивать и грабить торговых людей; ворам и мошенникам обещали боярство, воеводство, всякую честь и богатство. Прокофий Ляпунов и другие дворянские вожди, присмотревшись, с кем они имеют дело, что за народ составляет рать Болотникова, покинули его, передались на сторону царя Василия и облегчили царскому войску поражение сборных отрядов" (В. О. Ключевский. Русская история, т. III, стр. 56—57).

Незначительное количество повстанцев, решивших продолжать начатое дело под руководством вновь выдвинутых вождей Тавила и Каракаша, в том же (1603) году было разогнано султанскими войсками.[1] В результате этого народные массы вынуждены были прекратить активно проявлять свое недовольство, уйдя в подполье. Требования отдельных феодалов, принимавших участие в восстании, как мы видели, были отчасти удовлетворены: многие из них получили назначения на государственные должности и ленные наделы. Большое количество „фирари" было вновь принято в состав регулярных войск.

Крестьянство, класс, вообще по своему неорганизованному характеру неспособный без руководства со стороны пролетариата бороться до конца за освобождение самого себя, в этом восстании даже не смогло выделить своих, подлинно крестьянских вождей, которые четко выставили бы требования крестьян — участников восстания. На основании тех данных, которыми располагаем мы, трудно отнести Кара Языджи или брата его Дели Хасана к числу крестьянских вождей, хотя они и не являлись людьми очень знатного происхождения. Тот факт, что они часто находили возможным вступать в компромиссы с представителями султанского правительства, а Дели Хасан в конце концов закончил дело полнейшей капитуляцией перед султаном, выговорив не освобождение от налогов для крестьянства, а определенные государственные посты и привилегии для себя и своих сообщников, должен окончательно склонить нас к тому мнению, что как Кара Языджи, так и Дели Хасан защищали интересы мелких феодалов, а не крестьянства.

В связи с этим мы видим, что участие в восстании крестьянства носит волнообразный характер прилива и отлива. Так, через три года после фактической ликвидации восстания Кара Языджи—Дели Хасана вспыхнуло восстание под руководством Календера оглу (1606); в 1607 г. началось восстание Джанполада и т. д. Повсеместные вспышки и волнения при активном участии крестьянства, но под руководством выходцев из феодальных слоев, почти непрерывно следовали одни за другими на протяжении всего первого десятилетия XVII в.

Причины поражения восстания Кара Языджи—Дели Хасана были заложены уже в самом начале возникновения его. Неоднородность социального состава участников восстания и как следствие этого — постоянные внутренние противоречия, примирение которых было немыслимо, неизбежно должны были привести к гибели и самого движения. Однако восстание про-

[1] Кятиб Челеби, ук. соч., стр. 193.

должалось около пяти лет и охватило почти всю анатолийскую часть Османского государства, от восточных вилайетов до Брусы. Если число непосредственных участников восстания доходило до 30 тысяч человек, то это значило, что оно поддерживалось огромным количеством населения тех районов, на которые распространялось действие восстания. Несомненно, что и войны, которые вела в это время Турция с Австрией и Ираном, очень сильно затрудняли султанское правительство, и потому оно не могло своевременно и в „должной мере" уделять внимание внутреннему состоянию страны. Только закончившаяся в 1606 г. война с Австрией позволила султанскому правительству обратить большее внимание на приведение в порядок внутренних дел государства, и назначенный в конце 1606 г. великий везир Куюджу Мурад паша, опираясь на значительные военные силы, в течение нескольких лет окончательно подавил всякие попытки возмущения, с одной стороны, удовлетворив требования отдельных феодалов, с другой стороны, беспощадно потопив в крови огромное количество людей, так или иначе принимавших участие в движении.[1]

Следовательно, прочиворечия внутри лагеря восстания, слабая организованность крестьянства и отсюда — локальность и стихийность крестьянских восстаний; отсутствие в них подлинно крестьянских вождей и предательство со стороны возглавивших это движение мелких феодалов и, наконец, усиление сил султанского правительства с окончанием военных действий на австрийском фронте — вот те причины, которые ускорили разгром этого огромного в основном крестьянского восстания в Турции. Конечно, о существовании в Турции в тот период пролетариата, т. е. единственного класса, способного возглавить и довести до победного конца крестьянское восстание, не могло быть и речи. Поэтому неудачный конец восстания можно было предвидеть заранее. Однако этот факт ни в какой мере не должен умалять нашего интереса к подобного рода социальным движениям, так как через них мы можем изучить особенности исторического развития той или иной страны и, в данном случае, Турции.

Несомненно, что и восстание Кара Языджи—Дели Хасана и все прочие волнения и возмущения, которыми полна история Османской империи на рубеже XVI и XVII вв., не прошли бесследно для ее дальнейшего исторического развития.

Могущество феодальной Османской империи, еще в середине XVI в. претендовавшей на роль мировой державы, было

---

[1] В „Tarih" указано, что при подавлении этих восстаний Куюджи Мурадом пашой было убито около 100 000 человек (т. III, стр. 115).

в значительной мере подорвано изнутри. Восстание Кара Языджи, явившееся результатом сложного процесса внутренних противоречий, в свою очередь способствовало еще большему ослаблению государства. Однако, способствуя подрыву феодального строя в целом, эта острая социальная борьба не оказалась в состоянии окончательно порвать феодальные узы, которые уже начали тормозить развитие производительных сил страны. При чрезвычайно низком уровне экономики Турции того периода проникающий в ее жизнь торгово-ростовщический капитал не мог содействовать, как это случилось бы при иных условиях, быстрому созданию предпосылок для изменения существующего способа производства. Наоборот, в данной исторической обстановке ростовщичество, с одной стороны, и борьба султанского правительства против народных волнений, с другой, — способствовали только консервации феодализма на самой низкой, самой варварской ступени его развития.

Начавшийся в конце XVI в. и затянувшийся на несколько столетий кризис ленной системы привел к общему экономическому и политическому упадку Турции и превратил ее в одну из наиболее отсталых стран до самого новейшего времени. Но фактическая история того пути, по которому Османская империя пришла от своего могущества к полнейшему упадку, выходит за пределы темы настоящего исследования и потребует еще немало времени и усилий для полного и всестороннего изучения. Мы ставили себе задачей дать хотя бы общее представление о характере социальных противоречий в Турции конца XVI в., из которых возникло восстание Кара Языджи. Если читатель, до сего времени не имевший никаких сведений об этом событии, получит здесь сколько-нибудь цельное впечатление о нем, мы считали бы, что цель нашего труда достигнута.

Ленинград, 1941 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ОПИСАНИЕ ВОССТАНИЯ КАРА ЯЗЫДЖИ—ДЕЛИ ХАСАНА, ПО КЯТИБУ ЧЕЛЕБИ

ذكر فرق جلاليان [1]

سابقا مرحوم سلطان محمد خان زماننده افلاق و انكروس اعداسى جهتندن بلاد اسلاميه‌يه توجيه ايدن فتن شرور دفعنه صرف همت اولندقجه اصحاب حل و عقدك تقصيرى ايله غايلهٔ محاربه‌ته اندفاع حاصل اولميوب اون بش ييله قريب امد و شد ممتد و طغيان اشقيا مشتد اولغين عسكر اسلام وطنلرنده ارام يتمدكلرى سببدن آناطولى دن اراذل رعايا مملكتى خالى بولوب طريق يغما و غارته سالك و هر صعلوك بو طريقله اته طونه مالك اولوب هر فرقه‌يه بر رئيس پيدا اوليجق يات و يراغله اماده بلوك بلوك اتلو و پياده ممالكه طاغلوب نهب و غارات و هتك حرمات ايتمشلر ايدى اول طريق ضلالتده رئيس اشقيانك يرى (قره‌يازيجى) ديمكله شهرت بولان عبد الحليم نام بدبخت ايديكه بكلربكيلر ياننده كاه سكبانلق كاه صوباشيلق ايله سورينور ايكن وجه مزبور اوزره مملكتى خالى بوليجق اوباش رعاياى كندويه نفر ايدينوب كيدرك امر و حالى اكا ايرشدى كه مدبرلرك سوء تدبيرى ايله ارباب منصب زمان قليل ده عزل اولنوب بر منصبده تناول ايدى ايله هيئت اجتذاب [2] زباب جياع ظاهر اولغين اعمال قوت قاهره ايلين غالب مغلوبك منصب و مالنى سالب اولدقده تدبيره قادر اولان اهل شقى منصب مزبوره مراجعت

---

[1] Перевод этого отрывка дан в тексте работы (стр. 55).

[2] Слово زباب пропущено в издании „Фезлеке“, но имеется в рукописном экземпляре Института востоковедения и в „Тарих-и Наима“.

و بذل مال ایله اندن استعانت ایلمکین اشقیاسی ایله کلوب اعانت و منصبده اقامت ایلر ایدی چون کندوده رفع و نصبه قدرت مشاهده ایلدی علم عصیانی بر داشته ایدوب (تسبیح و الف) خلالنده جورم و سیواس و توقات حوالیسنده باز یغما و تاراجه کرمیت ویروب جمع اولان ارباب فساد ایله تحریب بلاد ایلمکین بالدفعات اوزرینه سردارلر توجه ایتدکجه کاه غالب و کاه مغلوب اولوب بعضی قلاعه تحصن ایله اله کیرمك میسر اولمش ایدی بری دخی (حسین پاشا) نام بر شقی ایدیکی بکلربکی اولمش ایکن ظلم و عدوانی عرض اولندقده فرار ایدوب کندویه پناه اولق اعتقادی ایله روهاده محصور اولان یازیجی‌یه ملحق اولوب مزبور یازیجی خلاصنه وسیله اولق احتمالی ایله سردار قلعه‌دن ایندروب اول دخی استانه‌یه کوندروب اشد سیاستله قتل اولندیغی مخلده مرور ایتدی بری دخی مرقوم یازیجی برادری فتنه ایکن (دلی حسن) درکه قرنداشی یرینه قائم و شر فساد اوزره دائم اولوب طمشواردن بلغراده کلدکده قتل اولندی.[1]

Приложение 2

ТЕКСТ УКАЗА КАРА ЯЗЫДЖИ[2]

حکم

قیصریه ساکنلرندن اشبو حامل حکم شریف محمد نام کمسنه عثمانیان طرفندن بعنایه [تعالی] منهزم اولان سردار [حاجی] ابراهیم پاشا محاربه‌سنده بو جانبه کمال اخلاصله اطاعت ایتمکله جمیع تکالیف و رسومدن مطلق معاف ایلدم و الته حکم همایونی ویردم [و بیوردمکه]

---

[1] Кятиб Челеби, ук. соч., т. I, стр. 289—290.— Наима, ук. соч., т. II, стр. 2—4.

[2] В печатном издании „Фезлеке" текст указа Кара Языджи изобилует множеством опечаток, поэтому мы взяли его из рукописи Института востоковедения. В квадратные скобки заключены выражения, имеющиеся только в „Тарих-и Наима" и отсутствующие в „Фезлеке", а в круглые скобки, наоборот,— выражения, имеющиеся в „Фезлеке" и отсутствующие в „Тарих-и Наима". Перевод указа см. на стр. 71.

(ان شاء الله تعالی) دست عثمانیان بو طرفلردن بالکلیه منقطع (اولوب) [و] سلطنت بلا نزاع بکا مقرر و مقدر اولدقده طرفمدن تعیین اولنان [1] امرا حکم موجبنجه مزبوری معاف و مسلم طوتوب رسوم [و] تکالیفدن بر نسنه تکلیف ایتمیه‌لر هر کم بو حکمه اطاعت ایلمزسه جزاسی ویریلور و بو حکم شریفی (شریفمی) النده ابقا ایدوب مضمون همایونی ایله عمل ایلیه‌لر شویله بیله‌لر تحریراً فی اواسط ربیع الاول سنه تسع بعد الالف[2]

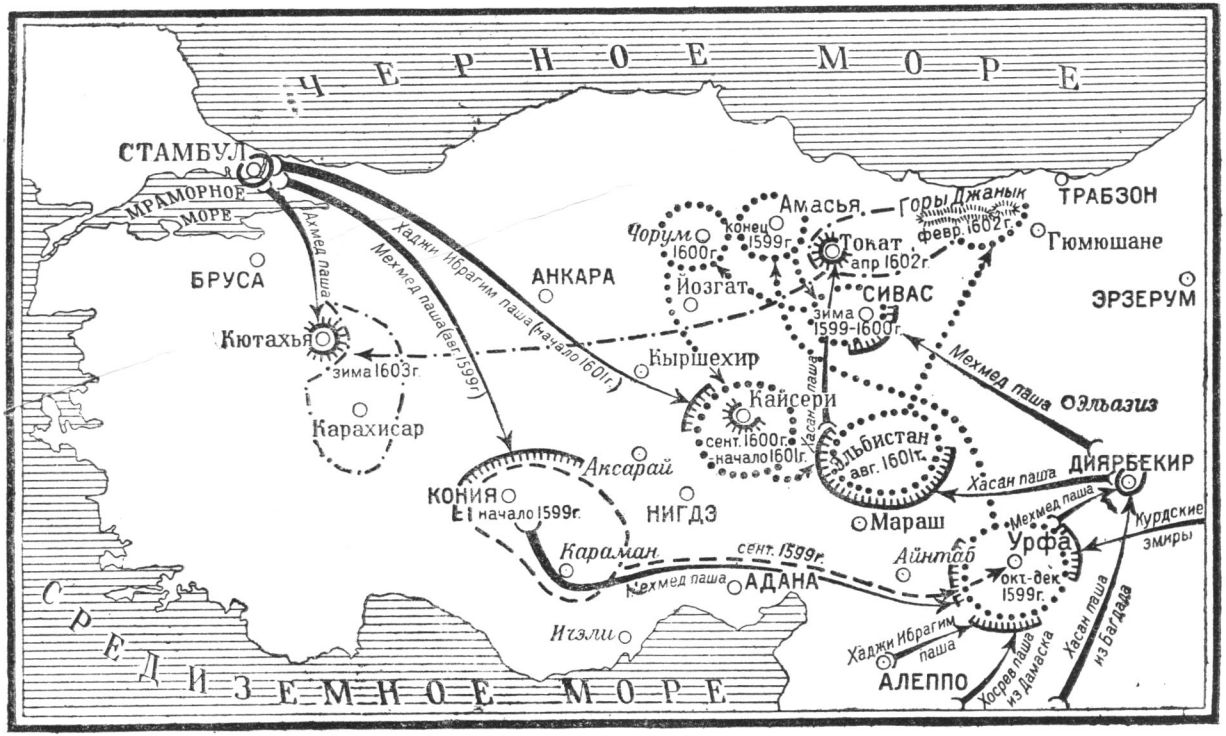
---

[1] В „Тарих-и Наима"; امر و حکم موجبنجه

[2] „Фезлеке" (Рукопись ИВ, л. 50а—50б, изд. I, стр. 143.— Наима соч., т. I, изд. III, стр. 237—238).

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА

ГЛАВНЕЙШИХ ОЧАГОВ ВОССТАНИЯ КАРА-ЯЗЫДЖИ — ДЕЛИ ХАСАНА В ТУРЦИИ (1599—1603)



ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

На турецком языке:

اولیا چلبی سیاحتنامه‌سی, استانبول, ۱۴۱۵, جلد ۲.
پچوی, ابراهیم — تاریخ پچوی, استانبول, ۱۲۸۱—۱۲۸۳, جلد ۱—۲.
توفیق, احمد — تاریخ عثمانی, استانبول, ۱۳۰۵.
جودت, احمد — تاریخ جودت. استانبول, ۱۳۰۹. جلد ۱.
حامد احمد و محسن مصطفی — تورکیه تاریخی — استانبول, ۱۹۲۴
حسام الدین حسین آماسیه‌لی عبدی زاده — آماسیه تاریخی — استانبول, 1935—۱۳۲۷ جلد ۱—۴
راسم, احمد — رسملی و خریطه‌لی عثمانلی تاریخی, استانبول. ۱۹۲۴
رشید, احمد — مکمل تاریخ عثمانی, استانبول, ۱۳۳۵, جلد ۱.
سلانیکی, مصطفی — تاریخ سلانیکی (Рукопись ИВ, № С. 569)
صولاق زاده — تاریخ صولاق زاده или تاریخ آل عثمان, استانبول, ۱۲۷۱.
عثمانلی قانوننامه‌لری — ملی تتبعلر مجموعه‌سی صایی ۱, ۳,۲
عطایی عطاء الله — حدائق الحقائق فی تکمله الشقائق, استانبول, ۲۶۸
قره چلبی زاده عبد العزیز — روضة الابرار, بولاق, ۱۲۴۸
قوچی بك رساله‌سی, استانبول, ۱۲۷۷.
کاتب چلبی حاجی خلیفه — تقویم التواریخ, استانبول, ۱۱۲۶
کاتب چلبی. — دستور العمل لاصلاح الخلل (Рукопись ИВ, № А. 320.)
کاتب چلبی. — فذلکه — استانبول ۱۲۸۶, جلد ۱. (Рукопись ИВ, № С. 537)
مراد, محمد — تاریخ ابوالفاروق, استانبول, ۱۳۲۵, جلد ۴
نعیما, مصطفی, تاریخ نعیما, استانبول ۱۲۶۷ جلد ۱—۶ (I изд.) ۱۲۸۰ جلد ۱—۶ (III изд.)
وفیق, عبد الرحمن — تکالیف قواعدی, استانبول, ۱۲۳۸

Barkan Ömer Lütfi. Osmanlı imparatorluğunda çiftçi sınıfların hukukî statüsü. Ülkü, 1937, № 49, 50, 53, 56.
Hakki Ismail. Uzunçarşılıoğlu — Kütahya şehri. İstanbul, 1931.
Refik Ahmet. Osmanlı devrinde zorbalar. İstanbul, 1932.
Refik Ahmet. On altıncı asırda Rafizîlik ve Bektaşîlik. İstanbul, 1932.
Tarih, İstanbul, 1932.

На русском языке:

Адамов Александр. Ирак арабский. СПб., 1912.

К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II. Изд. 8-е, М., 1935.

Патканов А. К. Библиографический очерк армянской исторической литературы. СПб., 1879.

Смирнов В. Д. Кучибей Гёмюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты до начала XVIII века. СПб., 1887.

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VIII.

Ф. Энгельс. Антидюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV.

На западноевропейских языках:

Babinger F. Die Geschichtsschreiber der Osmanen und Ihre Werke. Leipzig, 1927.

Babinger F. Scheich Bedr ed-din, der Sohn des Richters von Simav. Der Islam, 1921, Bd. II, S. 1—106.

Belin M. Du régime des fiefs militaires dans l'islamisme et principalement en Turquie. Journ. Asiatique, 1870, t. XV, p. 187—301.

Belin M. Essais sur l'histoire économique de la Turquie. Journ. Asiatique, 1864, t. III, p. 416—489; t. IV, p. 242—390.

Brosset M. Collection d'historiens Armeniens. Aracel de Tauriz. XVII-e siècle. Livre d'histoire par le vartabed Arakel de Tauriz, t. I, S.-Pétersbourg, 1874.

D'Ohsson M. Tableau général de l'Empire Ottoman, t. I—III. Paris, 1787—1790.

Hammer J. Des Osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, Bd. I—II, Wien, 1815.

Hammer J. Geschichte des Osmanischen Reiches, Bd. I—X. Pest, 1827—1835,

Hurmuzaki. Documente privitoré la Istoria Romanilor. Bucuresci, 1876—1909.

Jorga N. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Bd. I—V. Gotha. 1908—1913.

Jonquiére de la. Histoire de l'Empire Ottoman, t. I—II, Paris, 1914.

Kramers I. H. Kara Jazidji. Enziklop. des Islam, 1925.

Lamartine A. Histoire de la Turquie, t. I—VIII. Paris, 1854.

Salignac. Gontaut Biron baron de. Ambassade en Turquie 1605—1610. Correspondances diplomatiques et document; inédits. Publiés et annotés par le compte Theodore de Gontaut Biron. Paris, 1889.

Tischendorf P. Das Lebenswesen in moslemischen Staaten ins besondere im Osmanische Reiche. Leipzig, 1872. (Есть сокращенное издание 1871 г.).

Zinkeisen J. W. Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, Bd I—VIII. Hamburg—Gotha, 1840—1864.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр
Предисловие	3
Глава I. Обзор литературы и источников	7
Глава II. Краткий очерк социально-экономической структуры Османского государства накануне восстания Кара Языджи	23
Глава III. Предпосылки восстания Кара Языджи	36
Глава IV. Непосредственные причины и ход восстания. Характеристика отдельных категорий участников восстания и их требований. Противоречия внутри лагеря повстанцев	52
Заключение. Характер восстания. Причины поражения. Следствия	78
Приложения:	
Описание восстания Кара Языджи — Дели Хасана, по Кятибу Челеби	82
Текст указа Кара Языджи	83
Литература и источники	85

А. С. ТВЕРЕТИНОВА — ВОССТАНИЕ КАРА ЯЗЫДЖИ — ДЕЛИ ХАСАНА В ТУРЦИИ

*

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

*

Подписано к печати 3/VII 46 г. Печ. л. 5½+1 вклейка. Уч.-изд. л. 5,5. М-04809. Тираж 2000. Заказ 426.

1-я тип. Издательства Академий Наук СССР. Ленинград. В. О. 9 лин., 12.

Цена 6 руб.